

Жуков Константин Александрович*, доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук.

Поляки в Османской империи и Россия (60–70-е гг. XIX в.)

Изучение истории польской эмиграции в Османской империи в XIX в. имеет давнюю традицию. По понятным причинам первенство в этой области принадлежит польской историографии. Что касается отечественной историографии, то относительное замалчивание истории польской эмиграции в Турции после Январского восстания 1863 г. позволяло советским учёным до поры до времени обходить острые углы совместного исторического прошлого.

В настоящее время акцент усилий зарубежных исследователей на разработку исторического периода 40–50-х гг. XIX в. позволяет подвести определённую мировоззренческую базу под различные современные проекты геополитического характера. Например, требованиями текущего политического момента (разработкой и реализацией внешнеполитической концепции "неоосманизма") можно объяснить появление некоторых работ по истории польской эмиграции, которые принадлежат перу турецких исследователей.

Известная "обделённость" вниманием учёных истории эмиграции в 60–70-х гг. XIX в. кроется также в трудностях эвристического характера. Дело в том, что частичная реабилитация конспирологического направления в исторической науке произошла сравнительно недавно. Параллельно с этим появились работы, содержащие новые интересные документальные материалы по истории масонского движения в Турции, а также свидетельства о деятельности британских дипломатов и секретных агентов в Османской империи в указанный период.

В предлагаемой ниже статье автор по возможности учёл последние тенденции в современной историографии, посвящённой истории польской эмиграции в Турции.

* *
*

Организационный этап в жизни польской эмиграции в Османской империи связан с именем Михаила Станиславовича Чайковского (1804–1886) – видного деятеля Великой польской эмиграции, политическая

* konstantin.zhukov2011@yandex.ru.

и литературная деятельность которого началась во Франции после поражения Польского восстания 1830–1831 гг.

В 1841 г. с французским паспортом в кармане М. Чайковский прибыл в Турцию в качестве полномочного представителя князя Адама Чарторыйского¹ и возглавил в Константинополе Восточное агентство "Отеля Ламбер" (центра польской консервативной эмиграции во Франции). После своего перехода из униатства в ислам в 1850 г. он (теперь уже под именем Мехмед Садык-паши) официально оставил этот пост и перешёл на султанскую военную службу (на которой дослужился до *ферика*, т.е. генерал-лейтенанта). При этом он по-прежнему пользовался значительным влиянием в среде польских эмигрантов. В Крымскую войну (1853–1856) им был создан отдельный казачий отряд; это возрождённое Запорожское войско воевало на стороне турок на Дунайском фронте и дошло до Бухареста (Чайковский был награждён несколькими орденами и носил такие почётные титулы, как *мир-и миран* и румелийский *бейлербей*)². После войны Садык-паша со своим казачьим полком служил османскому султану сначала в Фессалии, а затем в Болгарии. Разочаровавшись в "польском деле", М. Чайковский осенью 1870 г. вышел в отставку. Затем, получив в 1872 г. прощение и пенсию от русского царя, он вернулся в Россию. Там М. Чайковский в очередной раз переменял веру (перешёл в православие) и провёл последние годы жизни в Черниговской губернии в приобретённом там имении, где занимался литературно-публицистической деятельностью и составлением своих мемуаров³.

Надо сказать, что "измена" М. Чайковского стала ударом не только по польской эмиграции в Турции, она ослабила и другие враждебные России силы. Пожалуй, по своему эффекту этот урон можно сравнить с тем ущербом, который в 1867 г. нанесло революционной деятельности А. И. Герцена покаяние и возвращение из Турции в Россию одного из его бывших сотрудников – "задунайского атамана" В. И. Кельсиева⁴.

¹ В тексте данной статьи иногда можно встретить различное написание специальных (в основном восточных) терминов или одного и того же личного имени (например, фамилия Чарторыйский передаётся также в форме Чарторыйский/Чарторыжский). Это объясняется отсутствием общепринятого стандарта. Поэтому автор предпочёл сохранить особенности оригинальных транслитераций, которые использовались в XIX в. при передаче на русский язык польских и турецких имён собственных, а также специальной терминологии.

² Казачьему полку Чайковского посвящена недавняя диссертация турецкого исследователя С. Буюка, защищённая в Университете Билькент (Анкара) под руководством болгарского проф. Е. Радужева. Ценность этой работы, состоящая в привлечении османских архивных материалов, во многом нивелируется полным игнорированием русскоязычных материалов, что, в частности, приводит к серьёзной деформации реального облика (взглядов и политической позиции) Чайковского в последние десятилетия его жизни (см.: *Büyük S. Michał Czajkowski (Sadık Pasha) and his Cossack Cavalry Regiment. A Master's Thesis. Department of History / S. Büyük. ; İhsan Doğramcı Bilkent University. Ankara, 2013. September. URL: <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0006520.pdf> (дата обращения: 06.06.2015)).*

³ Подробнее о жизни М. С. Чайковского в Османской империи см.: *Жуков К. А. Вестернизация османского общества глазами польского ренегата: "Турецкие анекдоты" Михаила Чайковского (Садык-паши) / К. А. Жуков // Христианство и русская литература : сб. 6-й. СПб. : Наука, 2010. С. 197–227.*

⁴ Василий Иванович Кельсиев (1835–1872) – революционер, эмигрант с 1859 г., писатель и публицист, учёный-полиглот, знал двадцать пять языков, из них говорил на

Роль польской политической эмиграции в истории формирования негативного образа России в Европе известна⁵. В XIX в. заметен был также вклад поляков в формирование на Западе образа Османской Турции: например, эмигранты польского происхождения часто исполняли роль поставщиков и интерпретаторов информации о жизни христианских народностей под властью турок для посещавших Турцию западных писателей⁶. С течением времени польские эмигранты уже самостоятельно принялись создавать устойчивые стереотипы о жизни в Европейской Турции, в частности формировать образ Болгарии в глазах европейского читателя. Показателен в этом отношении пример полуполяка, полуангличанина, участника Польского восстания 1863 г., британского шпиона и диверсанта в Родобах в 1878 г. Станисласа Синклера (Saint Clair/Sinclair), который в своё время (в соавторстве с британским дипломатом Ч. Брофи) впервые представил болгарина перед английской читающей публикой якобы "таковым, каков он есть" на самом деле, а именно – "ленивым пьяницей и фанатичным фетишистом"⁷. Надо вспомнить при этом, что ещё в начале 70-х гг. того века Болгария оставалась "одною из самых неведомых областей европейского Востока"; в этнографическом отношении такой же *terra incognita* был болгарский народ⁸.

С другой стороны, заняв к этому времени должности секретарей и переводчиков в многочисленных французских и австрийских консульствах в Османской империи, поляки стали также играть роль посредников и в процессе распространения новых европейских идей и злободневных политических известий непосредственно в среде славянского населения Балканского полуострова, находившегося под властью турок.

По версии М. Чайковского идея активных действий на турецком направлении была внушена А. Чарторыйскому ветераном французской

четырнадцати (два года слушал лекции по китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам на Восточном факультете Петербургского университета). По всей видимости, Кельсиев явился прототипом Шатова в романе Ф. М. Достоевского "Бесы". В 1862–1863 гг. Кельсиев часто бывал в константинопольском доме Чайковского и его второй жены Людвиги Снядецкой.

⁵ См., например: *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л. Е. Горизонтов. М.: Индрик, 1999. С. 9.

⁶ Один из таких примеров – написанная под сильным польским влиянием работа Жерома-Адольфа Бланки (брата знаменитого революционера), которая была опубликована по итогам поездки этого французского экономиста в Европейскую Турцию (*Blanqui J.-A.* Considerations sur l'état social de la Turquie d'Europe / J.-A. Blanqui. Paris : W. Coquebert, 1842. IV, 77 p.; см. об этом: *Handelsman M.* Czartoryski, Nicolas Ier et la Question du Proche Orient / M. Handelsman. Paris : A. Pedone, 1934. P. 52; *Смоховска-Петрова В.* Михаил Чайковски – Садък Паша и Българското Възраждане / В. Смоховска-Петрова. София : Изд-во на Българската Академия на Науките, 1973. С. 86.)

⁷ *St. Clair S. G. B., Brophy Ch. A.* Twelve Years' Study of the Eastern Question in Bulgaria / S. G. B. St. Clair, Ch. A. Brophy. London : Chapman and Hall, 1877. P. VI. Первое издание этой книги, написанной в 1866–1867 гг., вышло в Лондоне под другим названием (*Residence in Bulgaria...*) в 1869 г., когда "Болгария была менее известна, чем Тимбукту теперь" (*Ibid.* P. V). Отзыв об этом сочинении см.: *Todorova M.* Imagining the Balkans / M. Todorova. New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1997. P. 101–102.

⁸ См., например, соответствующую характеристику в книге "балканского Колумба" Феликса Каница "Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические наблюдения, 1860–1875" (СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1876. С. 6).

дипломатии Ш.-М. Талейраном, который рассматривал Польшу в качестве щита для европейской цивилизации от наступления азиатов-москвитов⁹.

В период до Крымской войны политика "Отеля Ламбер" в Турции заключалась в следующем: в случае распада Османской империи создать федерацию балканских славянских государств в качестве барьера на пути распространения влияния России и базы, с которой стало бы возможным продолжить борьбу за независимость Польши. Реализация этой политики шла в форме униатского движения и под эгидой доктрины славизма (разумеется, при духовном лидерстве поляков).

С 1858 г. агентство Чарторыйских в Константинополе возглавлял Владислав Иордан, активно содействовавший униатам¹⁰. В. И. Кельсиев так вспоминает о своей константинопольской жизни: "Я <...> познакомился с черкесами у полковника Иордана. Он давал им завтраки и рисовался связями "Hôtel Lambert" с Кавказом. На завтраках этих бывали мелкие чиновники французского посольства, редактор "Courrier d'Orient" корсиканец Петри, <...> которого судьба с парижских бульваров занесла в грязный Царьград и который издавал свою газету для просвещения турок и для проведения либеральных начал на Востоке. Фуад-паша и Аалипаша [тогдашние великий визирь и министр иностранных дел. – Прим. авт.] постоянно давали ему предостережения, он постоянно их обличал и отстаивал принципы 89-го года, что не мешало ему под польским руководством вопиять против каждого греческого или славянского движения и везде видеть русские интриги¹¹. <...> Затем на завтраках присутствовали протоиерей Мальчинский и дьякон Лавросевич, тоже агенты польской аристократии, воспитанники нашей Холмской униатской семинарии, приехавшие проповедовать болгарам унию и якобы западную цивилизацию со всеми их последствиями: с любовью к Турции и к Польше, с благоговением к Франции, с латинской азбукой, с несоблюдением постов, с ненавистью к России и переформировкой православного обряда на латинский манер..."¹².

⁹ Кельсиев В. Польские агенты в Цареграде / В. Кельсиев // Русский Вестник. 1869. Т. 81, № 6. С. 530–531; см. также: Жуков К. А. Восточный вопрос в историческо-социологической концепции К. Н. Леонтьева / К. А. Жуков. СПб.: Алетей, 2006. С. 70–77.

¹⁰ О нём см.: Фалькович С. М. Из истории польской эмиграции в Османской империи в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. / С. М. Фалькович // Краткие сообщения Института народов Азии. 1961. Т. 30. С. 200–202.

¹¹ Полное имя газетчика – Марк-Жан Джампьетри (Marc-Jean Giampietri). В его издании сотрудничали несколько поляков, которые, по словам Чайковского, в момент пробуждения болгарского народного самосознания писали османским властям доносы на болгар. Особенно отличился на этом поприще инженер Вл. Мощинский (Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Июнь. С. 702–703). Но в 1879 г., как только Джампьетри стал получать субвенции от российских агентов в Болгарии, газета сразу же поменяла свою политическую ориентацию. А в 1881 г., когда газета оказалась на грани разорения, её издатель даже не постеснялся написать российским дипломатам, что он, дескать, вот уже 22 года, как защищает болгарское дело (см.: Письмо Джампьетри от 24 мая 1881 г., адресованное М. А. Хитрову, а также финансовый отчёт за его подписью в письме, датированном 22 октября 1881 г. // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 1; Там же. Ед. хр. 186. Л. 1–2).

¹² Кельсиев В. Польские агенты в Цареграде / В. Кельсиев // Русский Вестник. 1869. Т. 83, № 9. С. 290–291.

Униатская церковь в Болгарии в это время делала определённые успехи, и во многом это было действительно заслугой М. Чайковского. Он вспоминает, в частности, как в начале 60-х снабдил рекомендательным письмом к турецким властям бывшего польского офицера К. Качановского, который был послан в качестве униатского священника в Адрианопольский *эялет*. В результате этой миссии несколько десятков болгарских сёл перешло в унию¹³. С 1863 по 1869 г. Качановский являлся также директором болгарского лицея, основанного вспомогательной ветвью иезуитов (польским монашеским орденом резюрреktionистов – *Zmartwychwstańcy*) в Адрианополе. В то время это было единственное болгарское учебное заведение, устроенное по европейскому образцу; преподавание в нём велось на болгарском, французском и польском языках¹⁴.

В унию тогда перешёл даже знаменитый болгарский ересиарх Пантелеймон, организовавший в монастыре неподалеку от Адрианополя (в селе Вакуф) "настоящую фаланстеру". Правда, после смерти своего предводителя (в 1868 г.)¹⁵ не признававшие таинства брака пантелеймоновцы возвратились из католичества в православие¹⁶. Но в 1865 г. польские священники под охраной жандармов (*зантиме*) свободно разъезжали по стране, и, в общем, униатское движение имело неплохую перспективу. Как сообщал в своём донесении в Азиатский департамент МИД от 26 марта 1865 г. из Адрианополя секретарь тамошнего российского вице-консульства К. Н. Леонтьев, "пропаганда не упадёт вполне здесь до тех пор, пока у неё будет такой ловкий и настойчивый вождь, каков г. Подхайский, драгоман французского консульства"¹⁷.

Польская эмиграция в Османской империи в 60-е гг. насчитывала несколько тысяч человек, значительная часть которых прибыла в Турцию

¹³ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Июнь. С. 700. Характеристику иезуита Качановского (без упоминания имени) см.: Кельсиев В. Польские агенты в Цареграде / В. Кельсиев // Русский Вестник. 1869. Т. 83, № 9. С. 291–292.

¹⁴ Смоховска-Петрова В. Указ. соч. С. 196–197.

¹⁵ В фаланстере Пантелеймона числилось до 2000 человек, в основном женщин. Когда ересиарх умер, вспоминает Чайковский, на его похороны стеклось не менее 30 000 женщин; одеяние, принадлежавшее этому монаху, было разорвано на мелкие клочки, которые потом болгарки и гречанки помещали в золотые медальоны. Чайковский пишет: "Супруга английского консула, дама высокообразованная, умная и развитая, которой муж [Дж. И. Блант, консул в Адрианополе с 1862 по 1871 г. – Прим. авт.] был в значительной степени обязан своим влиянием, говорила мне, что она не могла дать себе отчёта, почему именно проповеди Панталеймона производили на неё такое сильное впечатление, что она бывала после них несколько дней сама не своя; она просила мужа не пускать её более на его проповеди, не ручаясь, что и она не уйдёт в фаланстеру..." (Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Июнь. С. 700).

¹⁶ Теплов В. А. Адрианополь в 1874 г. (из воспоминаний путешественника) / В. А. Теплов. СПб. : Тип. и хромотит. А. Траншеля, 1877. С. 9–10. О Пантелеймоне также см.: Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865–1872) / К. Н. Леонтьев. М. : РОССПЭН, 2003. С. 71–72; *Его же*. Мои воспоминания о Фракии // Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. СПб. : Владимир Даль, 2003. Т. 6 (1). С. 204–205.

¹⁷ Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865–1872). С. 82–83.

уже после Январского восстания 1863 г.¹⁸ По оценке М. Чайковского, сами по себе революционеры восстания 1863 г. были всего лишь агентами недовольных польских магнатов: "Все манифестации и злополучные события 1861–1863 гг. были вызваны единственно оппозицией против освобождения крестьян и надела их землёю"¹⁹. В подтверждение своего мнения М. Чайковский вспоминает, в частности, как в 1866 г. один из повстанцев 1863 г. – составитель "Золотых грамот" – просил его исходатайствовать у Высокой Порты выслать на Подолию, Украину и Волынь 300 тыс. башибузуков из Анатолии, чтобы "залить мужикам сала за кожу"²⁰.

Итак, это были представители новой волны эмиграции, поляки, в которых "было мало шляхетного". "В 1863 г., – пишет М. Чайковский, – разлился по Константинополю новый наплыв поляков, которых фамилии кончались не на -ский, -цкий и -онц, а были какие-то странные, из одушевлённого и неодушевленного мира – Зубр, Дзик (Кабан), Цвиг (Каплун), Сокол, Камень, Бык, Смык (смычок), Струг, Млот, Кот – словом, целый зверинец или минерально-технический музей"²¹.

Вообще-то, шутливо отмечает М. Чайковский, турки несколько раз меняли прозвища поляков: вначале их называли "фодул гяур" (неверные гордецы), затем – "лехли" (скитальцы на чужбине, польские жида); с 1854 по 1870 г. – "казаклар-шайтан" (черти-казаки), а в 1870 г., когда в Турции развернулось железнодорожное строительство, их прозвали "мегендисами" (инженерами). Затем "за портреты и картины, написанные Петром Суходольским и Хлебовским, начали было называть их живописцами – ресимеджи". Турки "серьёзно верили, что, как прежде в Польше учили детей ездить верхом и махать саблями, так теперь их учат мерить циркулем и рисовать кистью"²².

Такой ироничный стиль характерен и для одного из "славянских романов" Садык-паши "Немоляка" (1871 г.)²³. Это автобиографичное произведение Чайковского представляет собой едкую сатиру на эмигрантскую волну 1863 г. и содержит красочные литературные карикатуры на

¹⁸ См. соответствующие цифры: *Гросул В. Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-х – начале 50-х годов XIX в. // В. Я. Гросул // Балканский исторический сборник. Вып. 2. Кишинёв : Картя Молдовеняскэ, 1970. С. 24–25.

¹⁹ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Декабрь. С. 589.

²⁰ Из писем М. С. Чайковского (Садык-паши) к его военному товарищу И. Глинскому // Киевлянин. 1873. 10 ноября. № 134. С. 2. Так называемые "золотые грамоты", которые распространялись повстанцами среди малороссийского крестьянства, являлись поддельными манифестами от имени императора о "настоящей воле".

²¹ Турецкие анекдоты. Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-паши). М. : Университетская тип., 1883. С. 220.

²² Турецкие анекдоты. Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-паши). С. 217. Зять Чайковского – кавалерийский капитан П. Суходольский (Мехмед Тевфик-эфенди), известен, в частности, своей гравюрой "Возвращение с охоты. Адам Мицкевич и Садык-паша (Михаил Чайковский) в лагере "оттоманских казаков" под Бургасом в сентябре 1855 года". Станислав Хлебовский, выпускник Петербургской Академии художеств, в 1864–1875 гг. был придворным живописцем султана Абдул-Азиза и директором картинной галереи султанского дворца Бейлербеи.

²³ "Немоляками зовут на Дунае русских молокан", – вспоминает К. Н. Леонтьев (Польская эмиграция на Нижнем Дунае // Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. / К. Н. Леонтьев. СПб. : Владимир Даль, 2003. Т. 6 (1). С. 478).

некоторых из её лидеров, а именно: Зигмунта Мильковского²⁴ и "доктора медицины" Тадеуша Окшу-Ожеховского²⁵.

Из книги бывшего посла Польской Народной Республики в Турции С. Пиотровского мы узнаем об Окше только то, что это был "страстно преданный своему делу врач, помогавший туркам во время эпидемии холеры. Своей самоотверженностью он завоевал любовь простых турок и уважение властей"²⁶. (Эта книга в своё время формировала у массового советского читателя представления о романтической деятельности польских революционеров: "Январское восстание 1863 г. зажгло в сердцах отчаявшихся стамбульских поляков искру новой надежды".)

Между тем сфера интересов Окши-Ожеховского далеко выходила за рамки врачебной практики: известно, что в 1867–1871 гг. он возглавлял тайную полицию великого визиря Аали-паши и в этом качестве сыграл важную роль в "подавлении" болгарского четнического движения, а также в "разоблачении" заговора "Новых османцев" в Константинополе в 1867 г. Ниже мы рассмотрим оба этих в высшей степени любопытных французских проекта из области политической технологии, имевших целью обеспечить нейтрализацию дипломатических усилий России в отношении Османской Турции в указанный период.

Предыстория болгарского четнического движения вкратце такова. Ещё в 1866 г. на территории Румынии был создан Болгарский центральный тайный комитет (устав этого комитета, по некоторым данным, писали польские эмигранты), от имени которого в начале 1867 г. был опубликован меморандум в адрес турецкого султана. Основная идея этого меморандума заключалась в следующем: (1) образовать дуальную турецко-болгарскую монархию; (2) в её рамках создать болгарское конституционное царство со своим народным собранием, собственной армией под командованием болгарских офицеров и отдельной болгарской администрацией, а также назначить в Болгарию вице-короля (князя). Османскому султану авторы документа предлагали добавить к титулу "падишах" ещё один, а именно – "царь болгар". Этот меморандум был переведён на французский язык и имел большой международный резонанс.

По версии М. Чайковского первоначально идея автономной Болгарии в составе Османской империи разрабатывалась в польских эмигрантских кругах. Он вспоминал: "После восстания 1863 г. в Константинополе появился Фаддей Оржеховский, именовавший себя бароном Окшей. Он выдавал себя за комиссара невидимого польского правительства; польско-католическая партия дала ему в помощники Владислава Иордана, старого

²⁴ Литературное описание вторжения в Румынию в 1863 г. банды Мильковского (1824–1915), а также литературный портрет самого "предводителя шайки", в 1851 г. организовавшего заговор польских офицеров, состоявших в то время на российской военной службе, а впоследствии – писателя (публиковался под псевдонимом Т. Т. Еж) см.: *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 6 (1). С. 462–465.

²⁵ В качестве агента на Востоке от польского Народного правительства Т. Окша-Ожеховский (1837–1902) был назначен 27 ноября 1863 г. На этом посту он сменил Вл. Иордана. В июле 1877 г. Окша вошёл в состав польского Народного правительства, сформированного в Вене. Затем (в 80-е гг.) – концессионер, создатель акционерных обществ по прокладке подводных телеграфных линий в Атлантике.

²⁶ *Пиотровский С.* Свет и тени Турции / С. Пиотровский. М. : Наука, 1981. С. 190–191. Сокращённый перевод с польского издания 1975 г. – *Прим. авт.*

и известного представителя польского дела на Востоке, <...>. Начались всевозможные интриги и против меня, и против организации казацких полков..."²⁷. "Назначенный министром полиции Кятиб-Мустафа-паша, мой товарищ по войне 1854 г., – пишет далее Чайковский, – показывал мне все дела упомянутой тайной полиции за время директорства Окши. Большая часть его рапортов и докладных записок, а также рапортов неких Владислава Мошинского и Подгайского [о них см. выше. – Прим. авт.] состояла из доносов на меня и казаков, бывших под моим начальством. Их обвиняли в тайной пропаганде, а меня в стремлении сделаться болгарским князем. Идея этого последнего доноса возникла по следующему поводу. Генерал Лудвиг Быстроновский [*Арслан-паша*. – Прим. авт.], состоявший во время русско-турецкой войны на турецкой службе, <...> составил мемуар [*в 1865 г.* – Прим. авт.], в котором он советовал Турции сделать из Болгарии вассальное княжество, даровать ей автономию и назначить меня князем болгарским. Один экземпляр этого мемуара он вручил Халиль-Шериф-паше, бывшему тогда послом в Париже, а другой – великому визирю Фуад-паше. Об этом мне ровно ничего не было известно, о мемуаре впервые рассказал мне Халиль-паша, вручая мне паспорт на въезд в Россию. Но барон Окша знал об этом"²⁸.

В другом месте воспоминаний М. Чайковского приводится несколько иная версия: "Когда среди болгар начались брожения, то генерал Быстроновский, который по моей просьбе был назначен по окончании войны состоять при турецком посольстве в Париже, в качестве военнополномоченного составил записку, в которой доказывал необходимость дать Болгарии автономное управление и поставить во главе его меня как человека, пользовавшегося среди болгар известным влиянием. Он передал записку турецкому посланнику, а копии с неё переслал в Константинополь Аали-паше и прочим турецким сановникам, из коих двое – Галиль-Шериф-паша (впоследствии посланник в Вене) и Фазиль-Мустафа-паша [*брат египетского хедива Исмаила*. – Прим. авт.] – говорили мне об этом: последний показывал мне экземпляр, писанный рукою Быстроновского, и высказывал мнение, что это было сделано с целью подорвать ко мне доверие турецкого правительства"²⁹.

Следует заметить, что помимо идеи автономной Болгарии в составе Османской империи поляки-эмигранты уже в 40-е гг. XIX в. поддерживали движение болгар за создание собственного экзархата. Оказывая помощь болгарам в их борьбе с греками (фанариотским духовенством), поляки, в конечном счёте, преследовали свою главную цель – вырвать болгар из-под влияния России. Известно, что, находясь в Турции, М. Чайковский

²⁷ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Октябрь. С. 227.

²⁸ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Октябрь. С. 242–243. До этого времени Халиль Шериф-паша, двоюродный брат и зять Мустафы Фазыл-паши (о нём см. ниже), несколько лет был османским посланником в Петербурге (с сентября 1861 по январь 1864 г.). В 1872 г. он занимал в Турции пост министра иностранных дел (*Mardin Ş. The Genesis of Young ottoman thought. A study of the modernization of Turkish political ideas / Ş. Mardin. Princeton : Princeton Univ. Press, 1962. P. 32, 66*).

²⁹ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Июнь. С. 703.

вступил в контакт с рядом деятелей болгарского Возрождения, поднял перед Портой (султанским правительством) вопрос о богослужебной литературе, а затем, в сотрудничестве с католическим орденом св. Лазаря, содействовал её печатанию на болгарском языке³⁰.

Интересно, что в этих церковных вопросах польская эмиграция не ограничивалась чисто практическими действиями. К примеру, один из соратников М. Чайковского – первый секретарь польского агентства в Константинополе Людвиг Зверковский (Ленуар) – пытался подвести научную историко-психологическую базу под идею самостоятельного болгарского экзархата. После Крымской войны в Париже вышла книга "Казачество в Турции", написанная Ленуаром в соавторстве с М. Чайковским ("Kozaczyna w Turcji" przez ХКО, Paryż, 1857). В ней Ленуар пытался обосновать эту идею, обратившись к истории богомильского движения³¹.

Повторим, однако, что все эти меры рассматривались польской эмиграцией в качестве шагов к последующему заключению унии и превращению Болгарии в возможный плацдарм для борьбы за восстановление независимой Польши.

Рассматриваемые нами события происходили на фоне антиосманского восстания греков на острове Крит (1866–1869) и вызванной этим вспышки активности русской дипломатии по вопросу о предоставлении автономии христианским провинциям Европейской Турции, а также начавшегося русско-французского дипломатического диалога по этой проблеме. В результате этого диалога появилось два проекта: русский (апрель 1867 г.) и французский (февраль 1867 г.). Отметим, что французский проект в данном конкретном случае шёл абсолютно вразрез с универсальным "принципом национальностей", провозглашённым Наполеоном III ещё в 1860 г.: он исходил из идеи слияния христиан и мусульман Османской империи в единую нацию, что уже по определению исключало принцип национальной автономии.

Весной 1867 г. с территории Румынии через Дунай начинают переправляться болгарские *четы* – вооружённые отряды, сформированные Болгарским центральным тайным комитетом³². Несмотря на то, что русская дипломатия поспешила откеститься и от самого комитета, и от его

³⁰ Международные отношения на Балканах. 1830–1856. М. : Наука, 1990. С. 163; *Сковронек Й.* Михаил Чайковский и болгарского национально движение (1841–1845) // *Й. Сковронек* // В чест на академик Димитър Косев. София : Изд-во на Българската Академия на Науките, 1974. С. 95–97; *Смоховска-Петрова В.* Указ. соч. С. 72–79; *Кельсиев В.* Польские агенты в Цареграде / В. Кельсиев // *Русский Вестник*. 1869. Т. 81, № 6. С. 535.

³¹ Подробнее см.: *Смоховска-Петрова В.* Указ. соч. С. 126–138. Аннотацию этой книги см. также: *Волхонский М. А., Пригарин А. А., Сень Д. В.* "...В качестве верховного главы казаков Анатолии и Румелии": новые документы из Başbakanlık Osmanlı Arşivi о М. Чайковском (Садык-паше) и Оттоманском казачьем войске // *Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973)*. М. : ИВ РАН, 2010. С. 156–158.

³² *Косев Д.* Новая история Болгарии. Курс лекций. М. : Изд-во Иностранной литературы, 1952. С. 287–293; *Попова А. А.* Политика Турции и национально-освободительная борьба болгарского народа в 60-х годах XIX в. // *Вопросы истории*. 1953. № 10. С. 60; *Международные отношения на Балканах*. 1856–1878 гг. М. : Наука, 1986. С. 147–152; *Хевролина В. М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М. : Квадрига, 2009. С. 234–238.

действий, всю вину за вторжение "разбойничьих банд" на территорию "вступившей на путь реформ Турции" прогрессивная международная общественность тут же возложила на Россию. Это было "хорошим подарком" русскому императору, направлявшемуся в сопровождении министра иностранных дел А. М. Горчакова в Париж на Всемирную выставку. Не удивительно поэтому, что покушение польского поляка А. Березовского на Александра II, имевшее место в Париже 25 мая (6 июня) 1867 г., во Франции было встречено с пониманием.

Одновременно тёплый приём был оказан в Париже, Лондоне и Вене турецкому султану Абдул-Азизу (1861–1876), посетившему эти европейские столицы летом 1867 г. Затем на встрече в Зальцбурге (18–23 августа 1867 г.) императоры Франции и Австро-Венгрии объявили о своей солидарности с принципом *статус-кво* на Балканах, а также о своём решении не поддерживать идею присоединения Крита к Греции (см. ниже).

Понятно, что России с её проектами автономий для христиан в Турции в этих условиях оставалось только одно – ступешаться и ограничиться проведением в Москве Славянского съезда (май), а также организацией Всероссийской этнографической выставки (апрель – июнь 1867 г.).

Такова была та обстановка, в которой Садык-паша стал объектом вышеупомянутой слежки и доносов со стороны тайной полиции барона Окши. Представляется, что именно в этом контексте следует рассматривать решение турецких властей о переводе командования в казацких отрядах Садык-паши со славянского [*надо понимать, полонизированного малороссийского наречия*. – Прим. авт.] на турецкий язык. Вероятно, тогда и вспомнились его прежние предложения о колонизации устья Дуная славянским "военным элементом", в своё время вызвавшие резкую отповедь английского посла в Турции Редклифа, заявившего, что, дескать, Чайковский хочет быть "новым Ермаком или Богданом Хмельницким"³³.

Немаловажным фактором стала также весьма сдержанная позиция М. Чайковского по отношению к Январскому восстанию. Ещё в период дислокации казачьих полков в Фессалии между поляками произошёл раскол. Зачинщиками бунта (февраль 1863 г.) стали оба зятя Чайковского – капитан П. Суходольский, муж Каролины, и полковник Р. Гутовский, муж Михалины, а также варшавский еврей майор Фрейнд [*будущий маршал Махмуд Хамди-паша*. – Прим. авт.]. Бунтовщики просили об отставке и собирались присоединиться к отряду Мильковского в Тульче (см. выше)³⁴.

В 1869 г. власти приступили к "потурчению" османских казаков. Это повлекло за собой отставку Чайковского; вместе с ним султанскую службу покинуло несколько десятков человек. Правда, к тому времени казаки Садык-паши уже успели принять участие в борьбе с болгарским четническим движением, которую вёл генерал-губернатор Дунайского вилайета в 1864–1868 гг. Мидхат-паша при помощи всё того же Окши.

³³ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1904. Октябрь. С. 227; Там же. Декабрь. С. 572–573.

³⁴ *Dopierala K.* Emigracja Polska w Turcji w XIX i XX wieku / K. Dopierala. Lublin : Wydawnictwo Polonia, 1988. S. 215–216.

Как известно, после административной реформы 1864 г. в Дунайский вилайет (центр г. Русчук) вошли три прежних эялета – Силистренский, Нишский и Видинский. Сводный казацко-драгунский полк Садык-паши (5 эскадронов казаков и 2 эскадрона драгун) уже с мая 1865 г. стоял в Адрианополе, Сливене и других болгарских городах. События, связанные с разгромом отрядов четников в 1867–1868 гг., нашли своё отражение не только в мемуарах Чайковского, но и в его романе "Болгария".

Вначале Чайковский изложил свою версию о происхождении Мидхат-паши. По его словам, тот происходил "из потурчѐнного болгарского семейства", т.е. был *помаком*, но, "невзирая на свое болгарское происхождение, пропитался жгучею ненавистью к этому народу"³⁵. М. Чайковский пишет о Мидхате следующее: "Он был назначен генерал-губернатором Дунайского вилайета, и тогда пред ним открылось свободное поле для осуществления разных проектов по личному вкусу и расположению. Он задался мыслью цивилизовать эту область на западный образец: строить дороги, заводить фабрики, но в то же время неумолимо преследовать болгар во всѐм том, что касается их симпатий к России. Консулы иностранных держав рукоплескали его управлению и производили большой шум по газетам об его необыкновенных будто бы политических и административных способностях"³⁶. Дабы вернее исполнять свой излюбленный проект: он завѐл тайную полицию из шпионов, куда, к сожалению, поступили многие поляки эмиграции 1863 г., гонимые нравственную испорченностью и католическим фанатизмом"³⁷. По словам Чайковского, число поляков, сотрудничавших с тайной полицией Мидхат-паши, доходило до двух тысяч³⁸.

Обычно считается, что опоры Мидхат-паши в Дунайском вилайете составляли так называемые *чорбаджи* – представители туркофильской болгарской буржуазии, которые часто выступали как его прямые агенты и шпионы. На наш взгляд, действительность была богаче и многограннее. Одной из таких граней была "национальная политика" Мидхат-паши. Теоретически она шла в русле упомянутого выше французского проекта относительно формирования единой османской нации³⁹. На практике это означало отуречивание болгар. Выполняя эту задачу, Мидхат-паша ограничил издание книг на болгарском языке, болгарскую молодѐжь заставляли посещать турецкие школы, где обучение велось на турецком и французском языках, и т.п.⁴⁰ Эта политика дополнялась мерами по изменению

³⁵ Чайковский М. Султан Абдул-Азис и правда об его смерти / М. Чайковский // Русь. 1883. № 5. С. 39–40.

³⁶ "Своим организаторским талантом он много напоминает Петра Великого", – так, например, писал о "гениальном" Мидхат-паше австрийский подданный еврейского происхождения Ф. Каниц (*Каниц Ф.* Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические наблюдения, 1860–1875 / Ф. Каниц. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1876. С. 133).

³⁷ Чайковский М. Султан Абдул-Азис и правда об его смерти. С. 40.

³⁸ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1900. Декабрь. С. 728.

³⁹ О доктрине османизма в этот период см.: *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). XIX – начало XX в. / И. Л. Фадеева. М. : Наука, 1985. С. 88–96.

⁴⁰ *Попова А. А.* Указ. соч. С. 59.

демографической и религиозной ситуации в вилайете: в 1864 г., после замирения Кавказа, наблюдается мощный всплеск черкесской эмиграции в Болгарию⁴¹.

На деле слияние наций предполагалось осуществить старым и испытанным способом: "Разделяй и властвуй". Вот как, например, описывает этот процесс Ф. Каниц: "Для предупреждения дальнейших восстаний райев и для поддержки армянских откупщиков податей <...> Порты построила в стране многочисленные беклеме (караулы) и поселила в них страшных албанских башибузуков <...>. Несколько лет тому назад они получили название заптиев <...>. Заптий <...> соединяет в одном лице обязанности правительственного чиновника, сборщика податей, инженера, полицейского, а также и судьи <...> – непосредственного представителя султанского правительства в деревне"⁴².

Своё резюме правления Мидхат-паши в Дунайском вилайете Чайковский продолжает следующим образом: "В короткое время край покрылся целю сетью шоссежных дорог, были построены казармы, тюрьмы, открыты фабрики, двинуты разные торговые предприятия. Невзирая, однако, на прирост материального благосостояния, бывший результатом этих реформ, дух недовольства продолжал усиливаться, потому что, в сущности, налоги и натуральные повинности становились всё тяжелее, потому что брали много, а давали ничего"⁴³. Налоговое бремя действительно увеличилось; кроме того, этот период отмечен также заметным ростом числа питейных и увеселительных заведений: к 1869 г. в 47 городах Дунайского вилайета насчитывалось только 10 больниц, но зато было 1 тыс. 535 трактиров⁴⁴. Чайковский далее пишет: "Митхад не был доволен этим положением вещей, а с ним и европейские консулы. Они советовали Митхаду попробовать государственный удар, что было тогда в моде <...>. Сам Митхад был вовсе не против такого способа действий, который можно назвать традиционным в турецкой политике: вызвать бунт, дабы выслужиться его умирением и вместе воспользоваться случаем для личного обогащения, а репрессивными мерами распространить в населении ужас и повиновение".

"По странному совпадению, – пишет М. Чайковский, – как раз в это время несколько вооружённых молодых болгар под предводительством некоего болгарина Тато переправились через Дунай на турецкий берег и высадились неподалеку от Систова⁴⁵. Население, вовсе не

⁴¹ Каниц Ф. Указ. соч. С. 330–339.

⁴² Там же. С. 219–220.

⁴³ Чайковский М. Султан Абдул-Азис и правда об его смерти. С. 40.

⁴⁴ Попова А. А. Указ. соч. С. 57.

⁴⁵ Речь идёт о переправе из Валахии 15 мая 1867 г. вооружённого отряда (четы) Филиппа Тотю (Фоти, Тотуй) – "метиса-цинцара, именовавшего себя мадьярином". Именно так в другом месте аттестует последнего М. Чайковский, охарактеризовавший вторжение этой четы как пробный шар (ballon d'essai) "авторов проекта основания королевства Гогенцоллернского в Дакии" (На исходе 1883 года (заметки и воспоминания политического отшельника) // Русь. 1884. № 1. С. 42). Правда, в 1867 г., когда его казаки ловили гайдуков Ф. Тотю и П. Хитова, он называл четническое движение "русско-румынской интригой". В целом же у Чайковского прослеживается ироничное отношение к четникам (см., например, его описание национального состава чет в романе "Болгария") (Болгария. Славянская повесть. М. С. Чайковского (Садык-паши) // Русский Вестник. 1873. Ноябрь. С. 211).

приготовленное к этого рода действию, не только не показало никакого к нему сочувствия, но даже помогло полиции обезоружить освободителей, явившихся так некстати.

Митхад ухватился за этот случай как за весьма хороший предлог для исполнения своего плана. Основываясь на рапортах тайной полиции, которая доносила ему, что это начало мятежа – дело России, а также на сообщениях консулов, будто всё это результат влияния этой державы и славянских революционных комитетов, отчасти же и прямо ободряемый консулами, Митхад начал действовать <...>.

Хотя произведённое по делу расследование и суд ясно показали, что болгарское население турецких областей не принимало никакого участия ни в этой попытке восстания, ни вообще в революционном движении, Митхад воспользовался помянутою высадкой для поголовного обвинения болгар. По всему краю началась кровавая репрессия, так что число людей, которые в это время были присуждены к виселице или к ссылке, много превзошло число поднявших оружие и составивших систовскую банду. Митхадовская тайная полиция и шпионы уверяли, будто революционные комитеты устроили в Болгарии склады оружия и даже завод для литья пушек. Хотя никто никогда не видел этих складов, Митхаду это доставило предлог рассыпать по стране целые банды помаков⁴⁶ и черкес, приказав им обшаривать самые глухие углы Балкан и терроризировать население. Таким образом, множество народа было заключено в тюрьмы под самыми пустыми предложениями, и из них большинство приговорены к повешению суммарно, без следствия и суда, по тому соображению, что выпущенные на свободу они непременно присоединились бы к недовольным⁴⁷.

"В Дунайском вилайете, – завершает свой рассказ М. Чайковский, – было повешено немало болгар; их вешали так же просто, как в Польше в 1831 г. вешали евреев: на виселицах, на деревьях, на крюках от колодцев, на крышах. Их вешали у нас за шпионство. За то, что они много говорили, а болгар за то, что они слишком много молчали; во время народных волнений и то, и другое бывает опасно. <...> Мидхат был награждён за усмирение этого восстания, никто не оспаривал у него этой славы..."⁴⁸.

⁴⁶ Помаки – болгары, исповедующие ислам. В своих мемуарах Чайковский также пишет, что Мидхат, по совету своего дальнего родственника и конфиденнта Ахмеда Расим-паши, "обладавшего всеми чертами характера прежних византийцев", собрал несколько сотен помаков, разделил их на четы и заставил их играть роль бунтовщиков (*Суходолска К. Българите в неиздадените мемуари на Чайка Чайковски (Садык-паша) / К. Суходолска // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София : Държавна печатница, 1894. Кн. 10. С. 466; Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1900. Август. С. 434*). Польская агентурная сеть в Болгарии также была сформирована по совету Ахмеда Расим-паши, который находился в постоянном сношении со стамбульской агентурой барона Окши (*Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1900. Декабрь. С. 722, 728*). Ср. восторженные отзывы об Ахмеди Расим-паше в донесениях К. Н. Леонтьева, которые, на наш взгляд, показывают слабую информированность российского дипломата о реальном положении вещей (*Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865–1872). С. 247–257, 301, 307*).

⁴⁷ *Чайковский М. Султан Абдул-Азис и правда об его смерти. С. 40–41.*

⁴⁸ *Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1900. Декабрь. С. 730.*

Справедливости ради надо заметить, что таковые охотники всё же нашлись. В этом вопросе свою помощь султанскому правительству предложили прибывшие в Турцию другие вожди Польского восстания 1863 г.: генерал (бывший лейтенант прусской армии) Мариан Лангевич и генерал Эдмунд Тачановский. В 1867 г. они опубликовали свой призыв к полякам поддержать Турцию и представили на рассмотрение Порты проект создания при турецкой армии особых болгарских отрядов под командованием польских офицеров для борьбы с четниками⁴⁹. Первоначально М. Лангевич планировал сформировать такие отряды из помаков (болгар-мусульман) и вардарских павликиан (болгар-католиков)⁵⁰, но на деле рассматривался вариант реформирования казацких частей Садык-паши. Этот корпус, по мысли Лангевича, в случае войны с Россией мог бы стать основой польского освободительного войска. Пока же (апрель 1867 г.) взять опеку над этим корпусом предлагалось французам. Генерал-губернатор Дунайского вилайета Мидхат-паша благосклонно отнёсся к деятельности Лангевича, которому помогал влиятельный польский эмигрант Вл. Косцельский (Сефер-паша), бывший церемониймейстером (*михмандаром*) при императорском кузене Принце Наполеоне (Плон-Плоне) во время пребывания последнего в Константинополе в 1868 г., однако до реализации этих планов дело так и не дошло⁵¹.

Другой замечательной заслугой Т. Ожеховского перед султанским правительством, о которой также подробно пишет Чайковский, стало разоблачение агентами барона Окши политического заговора в Константинополе. Произошло это всё в том же мае 1867 г. Итак, Чайковский вспоминает: "Али-паша <...> обнаружил тайные замыслы так называемой партии Молодой Турции⁵², к которой принадлежало немало турецкой молодёжи и даже видных государственных деятелей. О существовании этого общества было давно известно, но Фуад-паша не преследовал его. Али-паша захватил при помощи агентов барона Окши бумаги этого общества и список его членов; начались аресты; многие потеряли места и были вынуждены эмигрировать, но наиболее влиятельные лица остались целы и невредимы"⁵³. В другом месте Чайковский добавляет, что Али-паша, который был крайне встревожен возникновением общества "Молодая Турция", "решил следить тайно и обратился к Владиславу Иордану. Тот

⁴⁹ *Смоховска-Петрова В.* Указ. соч. С. 155.

⁵⁰ В 1841 г. во время своей первой поездки по османской Болгарии М. Чайковский познакомился в Филиппополе с епископом павликиан от ордена пьемонтских капуцинов. Павликианское духовенство в Турции пользовалось такими же правами, как и духовенство других конфессий. Это было государство в государстве, вспоминает Чайковский (*Суходолска К.* Указ. соч. С. 445).

⁵¹ *Lewak A.* Dzieje emigracji polskiej w Turcji (1831–1878) / A. Lewak. Warszawa : Gebethner & Wolff, 1935. S. 211–212.

⁵² Термин "младотурки" первоначально появился на французском языке ("Jeunes turcs") и лишь впоследствии перешёл в турецкий язык с турецким окончанием множественного числа: *jön türkler*. Так как турки вместо звука "ж" обычно произносили "дж", то младотурок в просторечии стали называть "джонами" (*Миллер А. Ф.* Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории / А. Ф. Миллер. М. : Наука, 1983. С. 241).

⁵³ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1900. Декабрь. С. 730.

посоветовал обратиться к Окше. Последнему при помощи одного из своих товарищей удалось выкрасть у бея Суби-эфенди [*очевидно, речь идёт о Субхи-паше, хозяине известного стамбульского интеллектуального салона*. – **Прим. авт.**] все бумаги тайного общества. Хотя сам Суби-эфенди был серьёзно скомпрометирован этими документами, Али-паша не преследовал его, а весь гнев обрушил на Усия-бея [*т.е. Зию-бея*. – **Прим. авт.**] <...>. Немало лиц погибло по этому поводу в тюрьме и изгнании, а Окша в награду получил разрешение основать бюро справок, или шпионства. На вознаграждение агентам этого великомочного бюро и на прочие расходы было ассигновано по 8 тыс. франков ежемесячно. В числе деятельных агентов, которых это бюро имело в провинции, назову Владислава Мощинского; в Стамбуле под руководством Окши возникло бюро гг. Пришибыльского, Миловича и Садовского. Таким образом, развилась целая система шпионства, захватившая в свои сети не только Болгарию, но и все прочие земли Балканского полуострова"⁵⁴.

По нашему мнению, М. Чайковский явно приуменьшает масштаб этой шпионской сети, которая охватила в эти годы почти всю Европу (без особого преувеличения). Окша-бей осуществлял общее руководство, а шефом этого так называемого Корреспондентского бюро стал Вацлав Пшибыльский (Вацлав-бей) – бывший виленский профессор естествознания, видный участник восстания 1863 г., в своё время отвечавший у диктатора Р. Траугутта за ведение международных дел.

Справедливости ради следует заметить, что Окша уже давно вошёл в полное доверие к Аали-паше, который 21 июня 1867 г. уже в пятый раз занял пост великого визиря (после отбытия Фуад-паши в качестве министра иностранных дел в Европу в свите султана Абдул-Азиза). Так, Окша передал Порте сведения о местах дислокации российских войск, о складах вооружений, о состоянии российского флота на Чёрном море. Эти материалы были присланы Окше из Одессы и Петербурга бывшим польским агентом по кличке "Кмита". К этим сведениям Окша приложил карты Анатолийского и Кавказского театров военных действий, составленные в российском Генштабе ещё до 1863 г. вместе с планом военной кампании на Востоке⁵⁵. Эти карты в Константинополь привёз бывший офицер российской армии Э. Ружицкий. Известно, что в 1864 г. константинопольское агентство польского Народного правительства располагало ежемесячным бюджетом в 10 тыс. франков, поступавших из различных источников. Когда в 1867 г. Окша-бей со своим новым бюро переходит на службу Порте, ежегодный бюджет бюро определяется в 75 тыс. франков, которые выплачиваются непосредственно турецким правительством⁵⁶.

Разоблачение вышеупомянутого заговора "Молодой Турции" произошло как раз накануне европейской поездки султана Абдул-Азиза (21 июня – 7 августа 1867 г.), в которую он отправился вместе с сыном Юсуфом Иззедином и двумя племянниками – Мурадом и Абдул-Хамидом. К этому времени некоторые заговорщики, а именно знаменитый поэт Намык

⁵⁴ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1900. Август. С. 235–236.

⁵⁵ Lewak A. Op. cit. S. 192–193.

⁵⁶ Ibid. S. 184–185, 196–197.

Кемаль и упомянутый выше личный секретарь бывшего султана Абдул-Меджида известный публицист Зия-бей уже бежали из Турции (17 мая 1867 г.). При бегстве им была оказана помощь и французским послом, и уже знакомым нам либеральным издателем стамбульской газеты "Курье д'Орьян" М.-Ж. Джампьетри. В пути к беглецам присоединился ещё один заговорщик – журналист Али Суави-эфенди⁵⁷. Наконец, 30 мая все трое благополучно прибыли в Париж к своему спонсору и покровителю Мустафе Фазыл-паше.

Брат египетского хедива (вице-короля) Мустафа Фазыл-паша (1830–1875) в предшествующие годы последовательно занимал ряд высоких должностей в Османской империи: министр просвещения (1862), министр финансов (1864) и др. Однако в связи с изменением прежнего порядка престолонаследования в 1866 г. он утратил свои легальные права на трон хедива, что и послужило причиной его последующей фронды. В начале 1867 г. в контакте с французскими правительственными кругами и при помощи своего кузена Халиля Шериф-паши (объявлявшим себя приверженцем конституционалистских идей), Мустафа Фазыл-паша начинает публичную кампанию за реформу государственной машины Османской империи. В обсуждение пригодности в условиях Турции форм представительного правления первой включается газета "Курье д'Орьян", позже в эту дискуссию оказываются замешанными Намык Кемаль и другие "джоны".

Бегству "джонов" из Турции предшествовало важное событие: появление в парижской газете "Либерте" знаменитого документа – письма турецкому султану о необходимости реформ за подписью Мустафы Фазыл-паши (24 марта 1867 г.). За неделю до этой публикации паша имел возможность изложить свою программу лично Наполеону III (во время аудиенции, данной ему французским императором). 10 августа того же года в парижском особняке паши прошло первое заседание общества "Новых османцев" (партии "Молодая Турция"), а 30 августа был сформирован руководящий орган партии (комитет). Ежегодный бюджет партии составлял 300 тыс. франков (из личных средств Мустафы Фазыл-паши). Местом заседаний комитета были определены Париж и Цюрих. Во главе партии встал сам Мустафа Фазыл-паша, а членами комитета в Париже и Лондоне были назначены: Зия-бей, Агях-эфенди, граф Владислав Платер⁵⁸, Намык Кемаль и Симон Дейч⁵⁹. Уполномоченными по

⁵⁷ Весной 1867 г. перечисленные выше публицисты выступили против министра иностранных дел Аали-паши, которого они упрекали за "примирительную" политику в отношении христиан: например, в их статьях подвергались нападкам такие его действия, как решение о выводе османского гарнизона из белградской крепости, а также якобы проявленная пашой медлительность при подавлении восстания греков на Крите.

⁵⁸ Вл. Платер (1808–1889) – родственник польской национальной героини Эмили Платер. Председатель Варшавского сейма в 1830–1831 гг., представитель польского Народного правительства в Швейцарии в 1863–1864 гг., издатель газет "Le Polonais", "Der Weisse Adler" и др. В 1868 г. на берегу Цюрихского озера соорудил увенчанную орлом колонну с надписью: Magna res libertas ("Великая вещь свобода..."). В 1870 г. там же, в Рапперсвиле, вместе с Агатоном Гиллером основал Польский национальный музей, в котором был собран архив Великой эмиграции.

⁵⁹ С. Дейч (1822–1877) – австрийский еврей, радикальный венский журналист; с 1848 г. профессиональный революционер с огромными связями, член I Интернационала

внутренним делам Османской империи назначались Зия и Агях-эфенди [издатель турецкой газеты "Терджуман-и Ахваль". – Прим. авт.]. В качестве уполномоченных по международным связям определялись С. Дейч и Вл. Платер⁶⁰. С двумя последними представителя "джонов" (Зию-бея) ещё в Стамбуле свёл неудавшийся польский "диктатор" М. Лангевич, прибывший в Турцию в 1866 г. с деньгами и рекомендациями, полученными от известного европейского революционера-масона Джузеппе Мадзини. Однако Лангевич не стал полностью выполнять программу своего спонсора, предусматривавшую создание демократической славяно-грекорумынской федерации с центром в Константинополе (при руководящей роли поляков), а занялся реализацией прикладных проектов русофобского характера⁶¹.

Официально партия "Молодая Турция" создавалась с целью: "1. Воплотить в жизнь реформаторскую программу принца Мустафы Фазыл-паши, содержащуюся в его письме султану и, как следствие, произвести ниспровержение того режима и тех людей, которые угнетают и истощают Османскую империю. 2. Сокрушить влияние России на Востоке путём освобождения христианского населения в Турции от московитской опеки"⁶². В оригинале программы, хранившемся у Вл. Платера, второй пункт звучал в развёрнутом виде следующим образом: "Искоренение русского влияния и русской пропаганды на Востоке, столь опасных для самого существования Османской империи, умаление царизма путём освобождения христианского населения в Турции от московитской опеки и восстановления героической польской нации в её исконной независимости в качестве оплота против незаконных посягательств российского варварства"⁶³.

Работу по искоренению московского духа среди балканских христиан должен был вести М. Лангевич. Для этого он разработал (сентябрь 1867 г.) план создания центрального агентства в Стамбуле, а также девяти провинциальных отделений на Балканах и, получив на эти цели некоторую сумму денег от комитета "Молодой Турции", выехал в Стамбул. Однако к этому времени Мустафа Фазыл-паша уже принял решение сойти с политической сцены: при посредничестве Фуад-паши он был прощён султаном и вернулся в Турцию, где безбедно прожил оставшиеся годы в своём дворце на берегу Босфора.

Одним из заметных последствий недолгой, но шумной деятельности "Молодой Турции" стало появление оппозиционной турецкой прессы за границей. Во главе газет "Мухбир" и "Улум" встал Али Суави, со временем нашедший себе новых покровителей и единомышленников-руссофобов в Англии: известного общественного деятеля, писателя, политика и издателя Дэвида Уркарта (1805–1877), востоковеда Чарльза Уэллса (1839–1917) и депутата парламента от Кентербери (1862–1878) Генри

и участник Парижской коммуны. С. Дейч также являлся доверенным лицом и личным врачом Мустафы Фазыл-паши. В мае 1867 г. он помог Али Суави бежать из Стамбула (см.: Çelik H. Ali Suavi ve Dönemi / H. Çelik. İstanbul : İletişim Yayınları, 1994. S. 89–90, 101–102).

⁶⁰ Çelik H. Op. cit. S. 34–37, 101–103, 746–747.

⁶¹ Lewak A. Op. cit. S. 210–211.

⁶² См. сокращённую копию: Çelik H. Op. cit. S. 746.

⁶³ Lewak A. Op. cit. S. 214.

Александра Монро Батлер-Джонстона (1837–1902), представлявшего собою, по выражению советской исследовательницы, "типичную фигуру английского колониального разведчика"⁶⁴. Газету "Хьюриет" и её издателя Зию в своих интересах (против великого визиря Аали-паши) начал поддерживать египетский хедив Исмаил. Намыку Кемалю продолжал оказывать финансовую помощь Мустафа Фазыл-паша. Он же способствовал возвращению Кемалья в Стамбул в конце 1870 г. и его покаянию перед Аали-пашой. Наконец, уже при новом великом визире Махмуде Недим-паше, назначенном после смерти Аали-паши в сентябре 1871 г., была объявлена всеобщая амнистия, и "джоны" потянулись на родину⁶⁵. Дольше других за границей оставался Али Суави, вернувшийся в Стамбул в октябре 1876 г.⁶⁶

И раскрытый бароном Окшей "заговор с целью убийства высших сановников империи", и предшествовавшая ему пропагандистская кампания, пугавшая султана призраком конституции, – всё это было не чем иным, как успешно реализованным (с помощью польских эмигрантов) французским проектом в области политической технологии. Совершенно очевидно, что перед путешествием султана по европейским столицам летом 1867 г. необходимо было оказать мощное психологическое давление на Абдул-Азиза. Надо было склонить султана к принятию упоминавшегося выше февральского французского проекта реформы "помочь" ему противостоять российскому проекту предоставления автономий христианским областям империи, предложенному российским министром иностранных дел А. М. Горчаковым 6 апреля 1867 г.

Известно, что ещё в марте 1867 г. великий визирь после встречи с Т. Окшей-Ожеховским и В. Пшибыльским согласился с тем, что "единственное спасение для османского государства – это отгородиться от России путём воскрешения независимой Польши; без этого любые реформы и уступки в отношении христиан, к которым правительство готово, только ускорили бы падение государства". 22 марта на встрече с В. Пшибыльским Аали-паша объявил, что он не пожалеет сил, чтобы добиться поддержки Наполеона III в этом вопросе, поскольку, дескать, интерес наш общий и от этого зависит спасение Востока⁶⁷. Аали-паша поручил Пшибыльскому провести соответствующую работу: выяснить позицию французского императора в этом вопросе и подготовить почву для тайной договорённости между Аали-пашой и Наполеоном III. С этой миссией Пшибыльский был направлен в Париж; там ему также предстояло создать благоприятные условия для предстоящего визита султана. Он привлёк

⁶⁴ *Шпаро О. Б.* Захват Кипра Англией / О. Б. Шпаро. М.: Наука, 1974. С. 63.

⁶⁵ *Mardin Ş.* Op. cit. P. 46–56.

⁶⁶ О деятельности Али Суави в качестве британского шпиона в Средней Азии в 1868–1869 гг. см.: *Жуков К. А.* Хива в российской и османской публицистике 1873 г. (В. В. Григорьев и Али Суави) / К. А. Жуков // X Плехановские чтения: "Россия: средоточие народов и перекрёсток цивилизаций" (30 мая – 1 июня 2012 г., Дом Плеханова РНБ). Материалы к конференции. СПб., 2012. С. 119–122.

⁶⁷ Ср. противоположные высказывания Аали-паши в его беседах с российским поверенным в делах Е. П. Новиковым в мае – июле 1863 г. (*Панченкова М. Т.* Россия, Франция и Турция в 1863 году / М. Т. Панченкова // Новая и новейшая история. 1970. № 6. С. 118).

на сторону Турции местную прессу, устроив встречу местных газетчиков с тогдашним османским послом Джемил-пашой и опубликовав после покушения на русского царя серию статей и брошюру "Les Ottomans et les Moskovites". Он также обеспечил подкуп нужных людей в парижской дирекции тайной полиции и нанял тайных агентов для охраны султана. Во время визита он лично находился в свите султана и составлял списки нужных людей для награждения османскими орденами. Наполеон III для ведения переговоров с Пшибыльским уполномочил одного из своих сенаторов. Затем (в августе 1867 г.), уже в Вене, при посредничестве Окши был выработан и подписан документ под названием "Bases de l'entente confidentielle" (Основы доверительного согласия) между Австрией и Турцией; в том же месяце в Зальцбурге состоялась встреча императоров Франции и Австро-Венгрии (см. выше), на которой было объявлено о поддержке принципа *статус-кво* на Балканах⁶⁸.

Апрельская инициатива России была, таким образом, заблокирована, и цели европейских политиков были достигнуты, однако оказалось, что восстановление Польши вовсе не входило в планы двух императоров: Наполеону были нужны союзники против Пруссии, а Австрия, нацелившись на Боснию и Герцеговину, уже вела переговоры с Россией.

Таким образом, ожидаемый поляками турецко-французский союз так и не состоялся. Что же касается опереточного заговора младотурок, то, как мы имели возможность убедиться, он был сфабрикован агентами барона Окши для решения вполне специфических задач. В эпоху телеграфа ход всей этой интриги был под постоянным контролем, а такие "заговорщики", как, например, Намык Кемаль, находились под неусыпным надзором её организаторов. Итак, основной целью организации этого заговора было не что иное, как его громкое раскрытие и последующее использование этого события уже в конкретных политических целях.

Польская эмиграция в Турции временно затихла после поражения Франции в войне с Пруссией (1870–1871), Парижской коммуны и отмены нейтрализации Чёрного моря в 1871 г. Время с 1871 по 1875 г. стало периодом русско-турецкого сближения. После смерти великого визиря Аали-паши Корреспондентское бюро барона Окши было закрыто, а в конце 1871 г. и сам его начальник покинул Константинополь.

Затишье, однако, было недолгим: деятельность польской эмиграции в Стамбуле вновь активизировалась в связи с Восточным кризисом 1875–1878 гг. Правда, к этому времени у поляков произошла смена хозяев: французов сменили англичане. Для Британской империи восстание в Герцеговине и частичный османский дефолт октября 1875 г. поставили на повестку дня вопрос о политической дееспособности правящего султана. Первоначальное давление на Абдул-Азиза путём "приватной дипломатии", оказанное Д. Уркартом и компанией через прибывшего в Константинополь в январе 1876 г. Батлер-Джонстона⁶⁹, оказалось неэффективным,

⁶⁸ Lewak A. Op. cit. S. 193–195.

⁶⁹ Будучи прилежным последователем Уркарта, состоятельный шотландский аристократ Батлер-Джонстон разделял даже известные пристрастия своего учителя к традиционному восточному образу жизни (не пил вина, с помощью турецкого учёного и политического деятеля Ахмеда Вефик-паши постигал основы ислама и т.д.). К моменту своего приезда в Константинополь он уже успел опубликовать описание своего путешествия по Волге в 1874 г., во время которого посетил на восточном берегу ряд казахских

поэтому англичане взяли курс на замену монарха с последующим введением в Турции конституционной формы правления⁷⁰.

Весной 1876 г. в османской столице был подготовлен государственный переворот: велась пропаганда, готовились люди, ввозилось оружие, распределялись деньги. Застрельщиками беспорядков должны были выступить *софты* (учащиеся медресе). Ведущая роль в этих действиях Батлер-Джонстона, позже уже открыто признававшего себя секретным эмиссаром английского премьер-министра Б. Дизраэли, достаточно известна⁷¹. Одновременно налаживались контакты с будущим султаном Мурадом, племянником Абдул-Азиза. Связь осуществлялась через Зию-пашу, позже ставшего личным секретарём нового султана.

Сопровождавший своего дядю в путешествии по Европе в 1867 г. Мурад произвёл благоприятное впечатление в европейских столицах. Вскоре пользовавшийся Мурада доктор, грек Каполеоне, ввёл своего пациента в одну из масонских лож Константинополя, где будущий османский султан познакомился с Мидхат-пашой и Намыком Кемалем. Это была ложа Великого Востока Франции, именовавшаяся по-гречески "И Проодос" ("Прогресс"). Ложа была основана в 1868 г., её венераблем с 1870 г. был грек Клеанти Скальери, задушевный друг английского посла, также масона, Генри Эллиота⁷². Посвящение Мурада в масоны было проведено 20 октября 1872 г. в доме француза Л. Амиабля – константинопольского адвоката (в будущем масона 33-го градуса) и близкого друга Леона Гамбетты. В это же время брат Александр Голинский [*участник восстания 1830 г. впоследствии гражданин США, конфиденгент принца Мурада.* – **Прим. авт.**] готовил проект реформы образования в Османской империи⁷³.

Начавшаяся конституционная лихорадка в Турции в 1872–1874 гг. шла на фоне внешнеполитических усилий тогдашнего греческого правительства Э. Делигиоргиса по созданию греко-турецкого союза для

юргов (*Munro-Butler-Johnstone H. A. A Trip up the Volga to the Fair of Nijni-Novgorod / H. A. Munro-Butler-Johnstone. Oxford : J. Parker & Co., 1875*), а также напечатать отдельной брошюрой трактат по Восточному вопросу (*The Eastern Question. London: J. Parker & Co., 1875*), предварительно печатавшийся в "Pall Mall Gazette", в котором отстаивал идею территориальной целостности Османской империи (см.: *Çelik H. Op. cit. S. 132–134*).

⁷⁰ Конституционные идеи постепенно укоренялись в тогдашнем османском политическом дискурсе. Новый импульс им придал краткий период деятельности правительства великого визиря Мидхат-паши в 1872 г., представлявший собою "оргию либерализма" (Н. П. Игнатьев). В том же году вновь о себе заявил Намык Кемаль: в газете "Ибрет" он опубликовал статью, в которой заявлял о необходимости введения в Турции конституции по образцу бельгийской. В декабре 1875 г. Мидхат-паша, ушедший в отставку с поста министра юстиции и готовивший свой текст будущей турецкой конституции, проводил консультации по этому вопросу в английском посольстве с тогдашним послом Г. Эллиотом. Редакцию конституции поручили адвокату-французу по фамилии Бардан (*Фадеева И. Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность / И. Е. Фадеева. М. : Наука, 1977. С. 64, 72–73; Гурс А. А. Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией / А. А. Гурс. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1906. С. 157–158*).

⁷¹ *Гурс А. А. Указ. соч. С. 157–158; Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics / R. W. Seton-Watson. London : Macmillan and Co., 1935. P. 129–130; Шнапо О. Б. Указ. соч. С. 63–64.*

⁷² *Çelik H. Op. cit. S. 441–445.*

⁷³ *Svolopoulos C. L'initiation de Mourad V à la franc-maçonnerie par Cl. Scalieri: aux origines du mouvement libéral en Turquie / C. Svolopoulos // Balkan Studies. 1980. Vol. 21, № 2. P. 441, 449, 453–455.*

совместной борьбы с панславизмом. В эти же годы в широком ходу были идеи о создании дуальной турецко-греческой империи во главе с султаном. Эти политические процессы всё более отдаляли Грецию от России и сближали её с Англией⁷⁴.

В конечном счёте, после тайных консультаций с заговорщиками, Мурад дал обязательство в случае своего прихода к власти провозгласить в Турции конституцию. Об этом прямо пишет в своих воспоминаниях английский посол Г. Эллиот⁷⁵.

Заговор носил характер многослойного пирога: на первом плане мы видим царедворцев, "старых заговорщиков" Рюштю-пашу, Хюсейна Авни-пашу и Халиля Шериф-пашу, на втором – группу "джонов" Мидхат-паши, которого опекает и направляет Г. Эллиот, и, наконец, на третьем плане – Батлер-Джонстона, который вместе с Уркартом и представителями его школы (Али Суави и др.) "критикует" турецких министров, Мидхат-пашу и даже саму Англию, будучи при этом тайным агентом Дизраэли.

Тучи над султаном сгущались, однако всё случившееся впоследствии, а именно – демонстрация софтов в Стамбуле 10 мая, а затем свержение Абдул-Азиза 31 мая и его убийство 4 июня 1876 г., представленное заговорщиками как самоубийство, оказалось полной неожиданностью для российского посла Н. П. Игнатьева. В результате 15 июля он покинул Константинополь и вернулся в Россию.

Далее события развивались стремительно. Апрельское восстание в Болгарии было подавлено турками с чрезвычайной жестокостью. В июне 1876 г. войну Турции объявили Сербия и Черногория. Восточный кризис разгорался, но надежды на креатуру англичан, нового султана Мурада V, не оправдывались. Он никак не мог избавиться от постоянного чувства страха, считал, что его могут убить (не помогало даже неумеренное потребление шампанского, смешанного с бренди), поэтому без особых проволочек произошло его отрешение от власти (султан был объявлен невменяемым), и 31 августа новым османским султаном был провозглашён Абдул-Хамид II (1876–1909), на предварительных переговорах с которым Мидхат-паша заручился обязательством ввести в стране конституцию.

Интересно, что впоследствии имели место попытки похищения Мурада с целью восстановления его на престоле. Первая такая попытка была предпринята уже через два с половиной месяца. В группу заговорщиков, проникших во дворец Чыраган в женских одеяниях, входили, в частности, грек Иставридес и поляк Михайловский – младший надзиратель масонской ложи "И Проодос"⁷⁶.

Тем временем события на Востоке и, в частности, международное расследование обстоятельств подавления антиосманского восстания в Болгарии ("резня в Батаке") вызвали серьёзное оппозиционное движение

⁷⁴ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 234–235.

⁷⁵ [Elliot H. G.] Some revolutions and other diplomatic experiences. By the late Right Hon. Sir Henry G. Elliot, G.C.B. ; ed. by his daughter / H. G. Elliot. London : John Murray, 1922. P. 232.

⁷⁶ *Uzunçarşılı İ. H.* Beşinci Murad ile oğlu Salâhaddin Efendi'yi kaçırmak için kadın kıyafetinde Çırağana girmek isteyen şahıslar / İ. H. Uzunçarşılı // *Belleten*. 1944. Cilt 8, sayı 32. S. 594.

в самой Англии, направленное против консервативного правительства Дизраэли. Лидер английских либералов В. Гладстон развернул так называемую "Болгарскую агитацию". Осенью 1876 г. появился его знаменитый памфлет, озаглавленный "Болгарские ужасы", ставший знаменем этого движения.

Консерваторы тоже имели своих пропагандистов. Среди них заметными именами были всё тот же Батлер-Джонстон, неоднократно выступавший в парламенте с речами в оправдание политики султана в отношении балканских христиан и публиковавший материалы соответствующего содержания⁷⁷, а также Али Суави, напечатавший огромное количество пропагандистской литературы, и его близкий соратник Станислас Синклер. Сын польки (в девичестве – Коссаковской) и шотландского аристократа, Синклер в качестве британского офицера принял участие в Крымской войне. Затем, "ощутив себя поляком", присоединился к польским повстанцам в 1863 г. Был взят в плен русскими войсками, потом отпущен. Поселившись в Турции, познакомился с английским консулом Ч. Брофи. Вместе они написали книгу о Болгарии, вышедшую двумя изданиями (о ней см. выше). Затем уже в качестве офицера турецкой армии Синклер сражался с повстанцами в Герцеговине, воевал в Черногории. Печатался в периодических изданиях Д. Уркарта, переписывался с Али Суави. В 1876 г. подключился к печатной антигладстоновской кампании. По наблюдениям турецкого исследователя Х. Челика, по крупницам собравшего биографические сведения о Синклере, статьи Али Суави и произведения Синклера настолько схожи по своему содержанию, что их трудно отличить друг от друга⁷⁸.

Осенью 1876 г. в османской столице вновь проявилась рука Окши. Во время работы Константинопольской конференции послов европейских держав (декабрь 1876 г.), созванной для урегулирования Восточного кризиса, сотрудники Окши выпустили сборник сфабрикованных ими документов, знаменитый "Les Responsabilités de la guerre". Фальшивка имела целью доказать, что положившее начало кризису восстание в Герцеговине было делом рук Игнатьева и его агентуры. Подделку удалось разоблачить, и замешанных в это дело поляков (сотрудников австрийского посольства) выслали из Константинополя, но накал информационно-пропагандистской войны не снижался. Огромные усилия с целью повлиять на ход конференции предпринял Мидхат-паша, назначенный 19 декабря в очередной раз великим визирем. Наконец, 23 декабря произошло долгожданное событие (провозглашение конституции), которое, однако, не произвело должного впечатления на участников конференции.

Во время конференции Батлер-Джонстон открыто поселился в доме Али Суави. Последний был назначен директором Султанского Галатасарайского лицея (1 февраля 1877 г.) и сразу же превратил его в центр пропаганды мусульманского фанатизма. В свою очередь, Батлер-Джонстон

⁷⁷ Bulgarian horrors and the question of the East. A Letter addressed The Right Honorable, W. E. Gladstone, M. P. London : W. Ridgway, 1876. В том же году это произведение во французском переводе было напечатано в Стамбуле (подробнее см.: Çelik H. Op. cit. S. 133, 275).

⁷⁸ Çelik H. Op. cit. S. 276–277, 504–505.

занимался укреплением связей с польской эмиграцией, которая понесла большие потери: погиб в Черногории генерал Мустафа Джелаледдин-паша (Константы Боженцкий)⁷⁹, а в Сербии был убит начальник штаба турецкой армии, бывший адъютант султана Абдул-Азиза Коваленко.

Конференция послов закончилась провалом. С одной стороны, это было крупным успехом Мидхат-паши, а с другой – развязало руки новому султану, испытывавшему серьёзные опасения в отношении своего влиятельного великого визиря и его соратников. Мидхат был отправлен в отставку, а затем (причём на строго конституционных основаниях) был выслан из страны. Таким образом, турецкий парламент под председательством Ахмеда Вефик-паши (в своё время Мидхат-паша предлагал на это место Зию) приступил к работе 19 марта 1877 г. уже без "отца турецкой конституции".

В период, последовавший за высылкой за границу Мидхат-паши (5 февраля 1877 г.), ссылкой Намыка Кемаля и отставками ведущих "джонов" (Зия и др.), на первый план среди польских эмигрантов в Турции выдвигается один из ближайших соратников Мидхат-паши Кароль Бржозовский (1821–1904)⁸⁰. Он был прислан в Турцию ещё в 1853 г. парижским польским "Коло", которому покровительствовал Принц Наполеон ("Красный принц", так называли этого двоюродного брата Наполеона III, как известно, питал надежды на польскую корону, обсуждалась его возможная женитьба на Изабелле, дочери А. Чарторыйского). В то время К. Бржозовский имел задание сформировать в Турции польский легион, возглавить который был должен генерал Ю. Высоцкий. Затем Бржозовский вместе с Фр. Сокульским (оба оставили свои воспоминания о пребывании в Османской Турции) занимался прокладкой телеграфных линий: Константинополь – София, Константинополь – Варна, Константинополь – Тульча. Во время губернаторства Мидхат-паши в Дунайском вилайете Бржозовский находился на турецкой службе⁸¹. Затем отправился

⁷⁹ О нём см.: Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева / К. А. Жуков. СПб. : Алетей, 2006. С. 112, 138. Приведём здесь также отзыв, принадлежащий М. С. Чайковскому: "С 1848 г. состоял в турецкой службе поляк Боенский, на родине принадлежащий к доминиканскому ордену католических монахов. <...> Это был человек серьёзный, весьма образованный и прилежно следивший за успехами военных знаний. Он отличился в войнах Турции, как в Азии, так и в Европе, все свои чины заслужил на поле битвы. <...> Боенский был довольно хороший живописец..." (Чайковский М. Султан Абдул-Азис и правда об его смерти. С. 34–35).

⁸⁰ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская Старина. 1900. Апрель. С. 230.

⁸¹ На турецкой службе также состоял его брат Владислав. Консул Леонтьев 2 ноября 1867 г. (по старому стилю) писал в Константинополь Н. П. Игнатьеву, что, будучи в Тульче, Вл. Бржозовский показывал тамошнему греческому консулу "составляемую им в величайшей тайне подробную карту Балканов и Родопа, жалуясь при этом, что Турецкое Правительство не вознаграждает его нисколько за такой важный труд. Передавая мне это, господин Николаидес прибавил, что для России такая карта была бы, вероятно, находкой, и, что деньгами можно до всего достигнуть". Леонтьев в шутливой форме отказался от предложения (Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865–1872). С. 158–159). Между тем в российском Военно-учёном комитете такие материалы по топографии будущего Балканского театра военных действий были бы приняты с благодарностью: "Пути, укрепления, населённые пункты – все это быстро здесь меняется", – отмечал в 1873 г. Обручев (Айранетов О. Р. Забытая карьера "русского

за своим покровителем в Багдад, сажал там финики, копал арыки, составлял карты. По возвращении в Стамбул помогал своему шефу в 1876 г. устанавливая контакты с принцами Мурадом и Абдул-Хамидом, а впоследствии налаживал сношения Мидхат-паши всё с тем же Мурадом (который после отрешения от власти находился в изоляции), используя в качестве курьеров представительниц слабого пола. Известно, что после того, как в Стамбуле был раскрыт заговор "джонов" против Абдул-Хамида II (апрель 1877 г.), три женщины-курьера, проходившие по этому делу, были завязаны в мешки и утоплены в Босфоре. В эти дела была также посвящена одна полька – жительница Стамбула, "польская патриотка" по фамилии Херцманьска.

Когда случилось это печальное событие, К. Бржозовского уже не было в Турции. Время было горячее, в Галиции во всю шла подготовка к восстанию. В марте 1877 г. К. Бржозовский встречается с Мидхат-пашой в Неаполе. Однако тот пока не советует полякам спешить с восстанием. Получив инструкции от своего шефа, Бржозовский прибывает во Львов (Лемберг) и встречается там с участником восстания 1863 г., бывшим польским эмигрантом, инженером, прежде работавшим в Турции, а ныне – писателем и заговорщиком Вацлавом Кошчицем (он же Валерий Володько, он же Сахи-бей, 1831–1903 гг.)⁸², уже успевшим заручиться обещаниями в Лондоне (полученными от Батлер-Джонстона и лорда Денби), что Англия готова предоставить для восстания в Польше 6 млн франков и полмиллиона карабинов. После некоторой заминки львовское "Коло" направляет в Лондон для переговоров ещё одного представителя, бывшего повстанческого генерала Гейденрейха (псевдоним "Крук") с просьбой поддержать будущее польское восстание поставкой оружия и вторжением 50-тысячного английского корпуса в пределы России⁸³.

В этот момент английский парламент вдруг озаботился положением униатской церкви в России. Кампанию продолжил римский папа Пий IX, после начала Русско-турецкой войны вновь напомнивший "граду и миру" о преследовании католиков царским правительством в России. По словам папы, "несправедливое правление" османских султанов над православными подданными было для России только предлогом для того, чтобы объявить войну Турции. После начала войны (22 апреля 1877 г.) в речах европейских политиков появились нотки, которые трактовались польскими эмигрантами как намёки на возможность сближения Англии, Франции, Австрии и Швеции против коалиции России, Пруссии и антипапской Италии. С папского благословения летом 1877 г. началось строительство широкой антирусской и антипрусской коалиции, активными организаторами которой стали: один из выдвинутых Пия IX английский кардинал Маннинг, ревностный католик лорд Денби, Окша-Ожеховский и, конечно

Мольтке". Николай Николаевич Обручев (1830–1904) / О. Р. Айрапетов. СПб. : Алетейя, 1998. С. 122–123, 130).

⁸² В 1877 г. во Львове был опубликован роман В. Кошчица "Труд Сизифа", основной мыслью которого было уподобление славянофильской идеи этому бесплодному занятию (Цыбенко Е. З. Образы русских в польской литературе второй половины XIX в. / Е. З. Цыбенко // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М. : Индрик, 2002. С. 165).

⁸³ Lewak A. Op. cit. S. 22–232.

же, Батлер-Джонстон. Последний, будучи тайным уполномоченным Дизраэли, стал руководителем всего этого движения. На турецком направлении он контактировал с К. Бржозовским, Сокульским, Лисикевичем (Даныш-бей, военный агент Окши во времена Чайковского, бывший ординарец Абдул-Азиза) и масоном Артуром Циммерманом (Артур-беем), бывшим венгерским повстанцем, а затем полковником египетской армии, которому поручили сформировать в Стамбуле польский легион. В мае 1877 г. К. Бржозовский получил в Стамбуле очередные инструкции от Батлер-Джонстона и отправился в вояж по маршруту: Львов – Познань – Дрезден – Вена⁸⁴.

По сведениям нового английского посла в Турции Генри Лэярда, Батлер-Джонстон и Али Суави плели интриги в Стамбуле, готовя почву для возвращения Мидхат-паши. Они руководили столичными софтами [*ударной силой переворотов того времени*. – Прим. авт.]; кроме того, Батлер-Джонстон на свои деньги направил турецкую делегацию в Пешт. Вся эта деятельность, по тогдашней оценке Лэярда, "имела крайне вредоносный характер для Великобритании, учитывая положение в её индийских колониях с мусульманским населением, поскольку основной целью последователей школы Уркарта было превращение русско-турецкой войны в межрасовый и межрелигиозный конфликт, в котором турки смогли бы одержать победу над русскими, а может быть, кто знает, даже уничтожить саму Россию"⁸⁵.

Что же касается вышеупомянутого задания, полученного К. Бржозовским от Батлер-Джонстона, то оно заключалось в следующем: надо было ознакомить местные польские организации с английским планом восстания и подготовить организационный съезд в Вене. Также Бржозовский имел с собою письмо от Дамад Махмуд-паши, зятя султана и известного деятеля "Молодой Турции", содержащее турецкие предложения по польскому вопросу.

Съезд в Вене 26 июля 1877 г. сформировал новое польское Народное правительство. Среди прочих важных гостей в работе съезда участвовали кардинал Маннинг, лорд Денби, Батлер-Джонстон, под занавес подъехал Мидхат-паша. В результате во главе Народного правительства был поставлен князь Адам Сапега⁸⁶, а одним из его членов стал Окша-Ожеховский, известный своими связями с Турцией и Ватиканом [*в 1869 г. Окша способствовал установлению регулярных контактов Порты с Ватиканом, где турецким послом был Рустем-бей (Вольский)*]⁸⁷. – Прим. авт.]. Для связей со Стамбулом решили вместо Бржозовского использовать Александра Звеховского, личного секретаря и конфиденанта вышеупомянутого Дамад Махмуд-паши⁸⁸.

⁸⁴ Lewak A. Op. cit. S. 235–237.

⁸⁵ См.: Çelik H. Op. cit. S. 722–724.

⁸⁶ Адам Станислав Сапега (1828–1903). Кавалер ордена Золотого руна. Запечатлён художником Яном Матейко в образе князя Витольда на картине "Грюнвальдская битва". Сын князя Леона Сапеги, председателя парламента (маршала сейма) автономной австрийской провинции Королевство Галиции и Лодомерии в 1861–1875 гг. В 1864 г. был представителем польского Народного правительства в Лондоне и Париже.

⁸⁷ О "телеграф-бее" (Вольском) см.: Турецкие анекдоты. Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-паши). С. 218–219.

⁸⁸ Lewak A. Op. cit. S. 237–243.

Возвращаясь к Венскому съезду, можно сказать, что он поставил следующую генеральную задачу: скоординировать возможную совместную деятельность с Австро-Венгрией, поднять восстание поляков, превратить Русско-турецкую войну в общеевропейскую и в конечном счёте, как многим тогда хотелось верить, восстановить независимую Польшу. Но для этого надо было решать конкретные задачи. Начали с того, что Батлер-Джонстон и Сапега вложили огромные деньги в подготовку диверсий на железных дорогах Румынии с целью нарушить снабжение русских армий за Дунаем (предполагалось использовать для этого рейд семиградских венгров-секеев во главе с бывшим революционным генералом Д. Клапкой⁸⁹, который в 1877 г. уже занимался реорганизацией турецкой армии). Операция сорвалась: австрийская полиция, получив нужную информацию от российского посла, произвела аресты и конфисковала запасы оружия. В Турции заговорщиков также постигла неудача. Циммерман, Вл. Бржозовский и компания бомбардировали меморандумами великого визиря и сераскера, поляки вели консультации с Мидхат-пашой и его преемником на посту великого визиря Эджем-пашой. Однако Порта, к этому времени уже чётко уяснив себе прусскую и австрийскую позицию по Польскому вопросу (восстанавливать Польшу никто не собирался) и, получив соответствующую информацию от К. Бржозовского, Мидхат-паши и турецкого посольства в Риме, приняла следующее решение: оснований, для того чтобы рассчитывать на возможное польское восстание, в настоящее время нет. После падения Плевны (10 декабря 1877 г.) в Риме, организационном центре Народного правительства, начались склоки и взаимные обвинения между членами польского правительства и Батлер-Джонстоном. В результате члены Народного правительства, собравшись в Болонье 26 декабря 1877 г., объявили о самороспуске⁹⁰.

Приняв принципиальное решение по Польскому вопросу, Порта, однако, не возражала против формирования польских военных частей для участия в боевых действиях против России в составе турецкой армии. Организатором таких частей стал А. Циммерман (Артур-бей), назначенный В. Кошчицем представителем Конфедерации польского народа в Стамбуле. Карабины, поставленные из Англии для польских добровольцев и складированные по приказу Мидхат-паши в Видине, частично уже были розданы партизанским формированиям, которыми командовал Синклер, отложивший перо и вновь взявшийся за винтовку. Однако великий визирь Эджем-паша обещал предоставить оружие для нескольких десятков тысяч легионеров. Запись в польский легион производилась в мае-июне 1877 г. под знаменем (с полумесяцем, звездой и белым орлом на красном поле) в греческой кофейне, расположенной в константинопольском квартале Пёра по адресу: Кеклик Сокагы, № 6. Всего набралось лишь около двухсот "охотников". Они облачались в турецкие военные мундиры, а на голову нахлобучивали красные краковские конфедератки с белым орлом.

⁸⁹ Ранее Георгий (Дьердь) Клапка в своём "мемуаре", представленном 1(13) марта 1877 г., безуспешно пытался убедить султана не доводить дело до военного конфликта с Россией. Об этом Н. П. Игнатьеву сообщал тайный агент из Константинополя (Записки графа Н. П. Игнатьева. 1875–1877 гг. // Исторический вестник : оттиск. СПб., 1914. Т. 137. С. 55–56).

⁹⁰ *Lewak A. Op. cit. S. 244–245.*

У поляков даже была своя Юлия Вревская. Избежав участи героини картины Яна Матейко "Утопленная в Босфоре" (см. выше), "польская патриотка" Херцманьска снабдила легион медикаментами и перевязочными средствами. Часть легиона в составе 86 солдат и 24 офицеров отбыла в район Шумлы в распоряжение Северина Белинского (Нихад-паши), состоявшего при штабе корпуса Абдул-Керима. Кроме того, Порта отдала в войска распоряжение отсеивать поляков из числа российских военнопленных и направлять их в польский легион. Этим занимался давний недруг России адрианопольский губернатор Ахмед Вефик-паша. По дорогам Болгарии разбрасывались листовки, которые, по мысли их составителей, должны были служить пропуском для перебежчиков, с обращением: "К братьям в войсках российских служащим" и девизом: "Под крыльями Белого Орла мы несём свободу Польше и России!". Командиром нового легиона стал ветеран "всех польских войн с 1831 г." майор Ю. Ягмин, начальником штаба – Лисикевич (Даныш-бей). Легион принял участие в атаке на русские позиции под Кызларом (23 августа), а затем в сражении под Еникеем. После Адрианопольского перемирия (31 января 1878 г.) остатки легиона отошли в Стамбул. В конечном счёте эпопея с польским легионом закончилась громким скандалом: Циммермана и Звехховского обвинили в присвоении и растрате денег, предназначенных для легионеров⁹¹.

К. Бржозовский и компания, 23 января 1878 г. собравшись в Вене, предприняли попытку возродить распущенное в декабре польское Народное правительство. Главную роль в новой организации, получившей название Народное правительство сконфедерованных польских земель, теперь играл познаньский политик Александр Гуттры, в 1848 г. состоявший адъютантом при Л. Мерославском. Его представителем в Турции был назначен Фр. Сокульский, затем его сменил масон граф Станислав де Роштен, родившийся в Польше потомок французских эмигрантов-аристократов, бывший адъютант Лангевича⁹². Перед английскими властями интересы нового правительства представлял Станислас Синклер, "ощущающий себя поляком" офицер её Величества, по служебным делам находившийся в Константинополе. Уполномоченным на Львовщине был назначен генерал Крук-Гейденрейх. Однако новая организации не была признана Народным правительством Конфедерации польского народа, возглавляемым В. Кошчицем.

В Стамбуле среди большинства членов польской эмиграции царил полная растерянность. Ощущение безнадежности усилилось после смерти папы Пия IX (7 февраля 1878 г.). Однако даже в таких условиях часть

⁹¹ Lewak A. Op. cit. S. 245–250.

⁹² Ещё в 1872 г. Роштен был избран гроссмейстером константинопольской масонской ложи "Союз Востока". Членом этой ложи был Адам Михайловский [*один из неудачливых "освободителей" принца Мурада осенью 1876 г.* – Прим. авт.]. В 1874 г. она была объявлена "уснувшей" (Dumont P. Osmanlılık, uluşçu akımlar ve masonluk (Osmanlı İmparatorluğu'nda Tanzimat'tan Mütareke'ye Fransız Obediyasına Bağlı Mason locaları) / P. Dumont. İstanbul : Yarı Kredi Yayınları, 1999. S. 17, 26, 156–159). Впоследствии А. Михайловский, эмигрант с 1863 г., владел ювелирным магазином в столичном квартале Галата, а в 1885 г. организовал и возглавил Польское товарищество взаимопомощи в Стамбуле.

эмигрантов продолжала надеяться на возобновление войны уже после заключения Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора 3 марта 1878 г. Так, известно, что поляки принимали участие в рейдах по тылам российских войск в районе Родопских гор, которые были организованы Роштенем и Синклером. В партизанские отряды Синклера входили также местные помаки, павликиане и ранее расселённые по Болгарии черкесы (выходцы с северо-западного Кавказа). Сам командир находился в контакте с Али Суави, проводившим в это время агитационную работу среди беженцев-мусульман в Стамбуле⁹³.

Лэярд сообщал 21 мая 1878 г. новому министру иностранных дел маркизу Солсбери о неудавшейся попытке Али Суави ворваться во дворец Чыраган и вновь провозгласить османским султаном принца Мурада. В основном группа сторонников Али Суави состояла из балканских беженцев-мусульман: помаков и черкесов. Прорвавшаяся во дворец группа вооружённых револьверами боевиков была уничтожена. Среди погибших был некий "вождь черкесов" и сам предводитель боевиков. Жена Али Суави, подданная Великобритании, успела перед обыском в доме Али Суави уничтожить фотографию этого черкесского вождя, погибшего при штурме дворца⁹⁴.

По прошествии многих лет сейчас уже мало у кого остались сомнения в том, что заговор принесённого в жертву Али Суави был частью совместного плана Дизраэли и Солсбери, разработанного с целью полностью подчинить султана Абдул-Хамида своей воле и вырвать у него уступку острова Кипр (Кипрская конвенция 4 июня 1878 г.). Все оставшиеся до подписания этой конвенции дни обезумевший от страха султан подвергался постоянному психологическому давлению, в котором принимали участие и посол Лэярд, и первый драгоман английского посольства А. Сандисон.

У посла, однако, были опасения, что в ходе расследования обстоятельств заговора Али Суави всплывут имена англичан, связанных с погибшим заговорщиком. Лэярд докладывал Солсбери 27 мая, что целью заговорщиков было возобновление враждебности с Россией. По его словам, заговорщики полагали, что в случае возможной атаки русских войск на Константинополь европейские державы будут вынуждены вмешаться в боевые действия на стороне Турции, и Россия будет разбита. Они были убеждены, что султана Абдул-Хамида уже невозможно склонить к возобновлению войны. Они также считали, что мусульманское население Османской империи повсеместно готово было взяться за оружие, и занимались организацией восстаний в Румелии. "Они поддерживали связь с вождём, который возглавляет это движение в районе Родопских гор, и господином Синклером, чьё имя, по всей вероятности, не является совсем не известным Вашему Высокопревосходительству, и который разделяет взгляды Али Суави, а также с рядом поляков, которые были связаны с революционным движением в Польше, а теперь фактически присоединились к повстанцам. Мне также было сказано, что заговорщики ожидали

⁹³ Lewak A. Op. cit. S. 252–253; Çelik H. Op. cit. S. 731.

⁹⁴ Çelik H. Op. cit. S. 725–728.

денег и поставок оружия из секретного источника в Европе", – сообщил посол⁹⁵.

Что касается дальнейшей судьбы Синклера, то о ней известно немного. Так, в одной из статей, опубликованных 18 июля 1878 г. в газете "Курьер Познаньски", говорилось о выдвигении Синклера князем Болгарии от Англии, Турции и от "сфер католических"⁹⁶. Существует также интересное свидетельство, в котором, в частности, даётся описание обстановки на линии соприкосновения отрядов "родопских инсургентов" с российскими войсками с 16 июня по 4 сентября 1878 г. Это воспоминания рядового ("вольноопределяющегося") Архангелогородского полка Д. В. Бартенева. По его словам, отряды "Сент-Иллера-паши", состоявшие из хорошо вооружённой и экипированной пехоты и конных башибузуков, насчитывали несколько тысяч человек. Тем не менее боевых действий не велось. Совместное курение табака, сопровождаемое распитием ямайского рома с турецкими часовыми, привело в конечном счёте к появлению турецкого парламентаря; затем в русский лагерь прибыли тридцать всадников во главе с самим Синклером, каждый из которых "в кобурах от сёдел привёз по бутылке шампанского". Была устроена пирушка, после которой русские офицеры решили сделать ответный визит: "...Вина были роскошные, но меню стола было больше из консервов (да и у нас того было хуже). <...> Сам паша и его свита оказались людьми очень образованными, а паша, кроме того, человеком не лишённым юмора. После обмена визитов наши отношения стали ещё лучше, и ни разу не было больше, по линии сближения, ни тревог, ни перестрелок"⁹⁷.

Юмор Синклера, надо отметить, отличался некоторым своеобразием. 6 августа 1878 г. (т.е. в период совместных распитий шампанского с русскими офицерами) с ним в местечке Кара Тарла встретились члены международной комиссии, решением Берлинского конгресса направленной для изучения обстановки в Родобах. Во время этой встречи Синклер (он же Хидайет-паша) не только в ужасающих подробностях расписывал европейским консулам мнимые зверства русских в отношении местного мирного населения, но и жаловался на постоянные атаки со стороны российских войск⁹⁸.

В Родобах Синклер действовал до октября 1878 г.; в дальнейшем следы его теряются. Умер в Бельгии (г. Линёвиль) в 1887 г. Большинство польских инсургентов, воевавших в Родобах, попали в плен, некоторые (например, Э. Тачановский) были расстреляны за военные преступления. Среди польской эмиграции в Константинополе циркулировал слух, что список этих офицеров за денежное вознаграждение был представлен в российский Генеральный штаб предателями – уже известными нам А. Циммерманом и Лисикевичем через некоего Л. Козерацкого⁹⁹.

⁹⁵ *Çelik H.* Op. cit. S. 730–731.

⁹⁶ *Lewak A.* Op. cit. S. 253.

⁹⁷ *Бартенева Д.* Эпизоды из жизни военного отряда в Родопских горах (из воспоминаний о кампании 1877–1878 годов) / Д. Бартенева // Русский Архив. 1900. № 6. С. 172–175.

⁹⁸ *Turan Ö.* The Rhodope Resistance and Commission of 1878 / Ö. Turan // War and diplomacy: the Russo-Turkish War of 1877–1878 and the treaty of Berlin / ed. by M. Hakan Yavuz, Peter Sluglett. Salt Lake City : The Univ. of Utah Press, 2011. P. 526–527.

⁹⁹ *Dopierala K.* Op. cit. S. 258.

Как известно, статьи Сан-Стефанского договора, относящиеся до будущего устройства Болгарии, подверглись значительной ревизии на Берлинском конгрессе (13 июня – 13 июля 1878 г.). В частности, согласно решениям конгресса, к северу от Балкан создавалось вассальное Болгарское княжество, а южнее Балкан была образована Восточная Румелия, автономная провинция в составе Османской империи.

Всё это время за развитием событий в Турции и в Болгарии продолжал следить возвратившийся в Россию М. С. Чайковский. Иногда он публиковал результаты своих наблюдений в аксаковской "Руси". Так, например, в одной из своих последних аналитических заметок он даёт следующую оценку ситуации, сложившейся в начале 1884 г. вокруг назначения Портой на очередной срок генерал-губернатора автономной области Восточная Румелия: "Князь Алеко-Богориди <...> собирается покинуть свой пост <...>. Австро-Венгрия, войдя в соглашение с Англией, старается исподтишка доставить этот пост Нихаду-паше, поляку Белинскому¹⁰⁰, родившемуся в Галиции, бывшему до 1848 года депутатом Львовского сейма, в 1848 году – директором политической канцелярии генерала Высоцкого; командовавшему польским легионом в Венгрии, революционеру, эмигрировавшему потом в Турцию и женившемуся на девице Сандиссон, дочери английского советника в Бруссе. По милости этой женитьбы он сделан был инженером на одном из о-в Архипелага и пашою. Я полагаю, – далее пишет Чайковский, – что и теперь по этой же причине он в качестве турецкого резидента находится в Софии, в Болгарии. Султан очень расположен к семейству Сандиссон, потому что, надо сознаться, в этом семействе было много преданных и верных друзей Турции, пользовавшихся популярностью между турками за своё русофобство. Лонгворт, муж старшей девицы Сандиссон, был защитником кавказских черкесов, действуя неутомимо против России. Джон Блунд, муж второй девицы Сандиссон¹⁰¹, бывший консулом в Болгарии, не останавливался ни перед никакой опасностью, ни перед никакой жертвой, когда дело шло о том, чтобы вредить славянам и особенно России. Сандиссон – брат, драгоман английского посольства, умный и обладавший несомненными достоинствами как знаток Леванта и ориенталист, доказал свою привязанность султану и пользовался у него большим доверием. Такая комбинация, – делает вывод Чайковский, – не может не нравиться Англии: она

¹⁰⁰ Северин Белинский (1815–1895). Его сын Альфред (Рустем-бей) впоследствии стал послом Турции в Вашингтоне. С. Белинский был старым знакомым Чайковского. В донесении российского тайного агента "о польских эмигрантах, находившихся на о-ве Джерсей, и сотрудничестве их с А. И. Герценом" от 28 июня 1855 г. (по старому стилю) сообщалось следующее: "Заготовление российских бумажных денег не могло производиться на острове Джерзее за неимением способных на то работников, и по предложению Герцена и Ворцеля таковые бумажные деньги изготавливаются в Нью-Йорке под надзором бывшего коштутского министра Миссароса и полковника Катоны. Катона привёз сии фальшивые деньги в Европу, которые по распоряжению Герцена отправлены в Константинополь к Шайковскому [*т.е. Чайковскому*. – Прим. авт.] и Белинскому для распространения в Придунайских княжествах. В 1848 г. Белинский был членом Австрийского государственного совета, ныне же он находится в Константинополе, занимаясь корреспонденцией для газет" (Русско-польские революционные связи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 19).

¹⁰¹ О "мадам Блонт" см.: Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева / К. А. Жуков. СПб.: Алетей, 2006. С. 109–118, 142–151.

основательно рассчитывает иметь в Нихаде-паше преданного своей политике человека"¹⁰².

Этот вариант, как известно, не прошёл (генерал-губернатором был назначен Г. Крестович). Осталась также неосуществлённой упомянутая выше идея выставить кандидатуру Синклера на болгарский княжеский престол. Однако эти попытки показывают, что России постоянно приходилось бороться с франко-польскими, англо-польскими и другими "комбинациями". О масштабах антироссийской деятельности польской эмиграции на Востоке в своё время писал В. И. Кельсиев: "Кончаю этот рассказ, о влиянии поляков на восточные народы, следующим замечанием. В мою бытность в Цареграде Иордан и братия уже начинали входить в сношения с хивинцами, кокандцами и бухарцами против нас, а турецкие офицеры, из горцев, сильно подумывали о поездке в Среднюю Азию для организации тамошних войск на европейский манер. Высшие кружки польской эмиграции лелеют ещё одну мысль – устройства агентств в Пекине и в Еддо [*Токио*. – Прим. авт.]. И это будет посерьёзнее их цареградских дел. Гордоны и Лефорты, из поляков, при китайских и японских Петрах Великих, движимые мезью к нам, не пропустят случая насолить нам в Монголии, Маньчжурии и в самой Сибири. Китай и Япония вовсе не дряхлая Турция. <...> Я мало следил последнее время за тамошними делами, но имена поляков уже начинают попадаться в списках тамошних учителей"¹⁰³.

Примеры Ю. Пилсудского и Р. Дмовского – будущих отцов-основателей независимой Польши, после нападения Японии на Россию устремившихся наперегонки в Токио с готовыми планами диверсий против России уже в мае 1904 г., в точности подтвердили эти прогнозы В. И. Кельсиева¹⁰⁴. Что касается Османской империи, то там деятельность польской эмиграции получила очередной импульс после младотурецкой революции 1908–1909 гг. Председатель турецкого парламента Ахмед Риза-бей был известен как давний сторонник "польского дела", а советником министра юстиции в новом правительстве стал австрийский поляк – Л. Остророг. В августе 1909 г. на стене дома в Стамбуле, где в 1855 г. скончался А. Мицкевич, младотурки установили мемориальную доску. На политическом митинге, организованном в честь этого события, выступали не только деятели правящей партии "Единение и прогресс", но и "представители татар, черкесов с Кавказа, сибирцев" и пр.¹⁰⁵ Венцом польских интриг на восточном направлении стало предложение президенту Ата-тюрку, сделанное маршалом Пилсудским через польского посла в Анкаре в 1933–1936 гг. Е. Потоцкого. Турецкому лидеру было предложено войти в тройственный военно-политический блок, направленный против СССР.

¹⁰² *Чайковский М. С.* "Центральный союз Европы" – так называемый союз мира / М. С. Чайковский // Русь. 1884. № 5. С. 58.

¹⁰³ *Исповедь – В. И. Кельсиева* // Архив русской революции : в 22 т. М. : Терра ; Политиздат, 1991. Т. 11–12. С. 264.

¹⁰⁴ Об этих поездках см.: *Garlicki A. Józef Piłsudski, 1867–1935* / A. Garlicki. Warszawa : Czytelnik, 1988. S. 83–88; *Wapiński R. Roman Dmowski* / R. Wapiński. Lublin : Wydawnictwo Lubelskie, 1988. S. 136–139.

¹⁰⁵ *Gasztowt S. T. Turcy a Polska* / S. T. Gasztowt. Paryż : Drukarnia polska A. Reiffa-Heymann, 1913. S. 13, 30.

Состав предлагаемого союза был следующим: Польша, Турция и фашистская Германия. Ататюрк предложение поляков отклонил¹⁰⁶.

В последнее время в российской историографии постепенно пробивает себе дорогу понимание того факта, что "польский аспект российской истории XIX – начала XX вв. принадлежит к числу тех, недооценка которых не просто обедняет наши представления о прошлом Отечества, но делает принципиально невозможным воссоздание его целостной и жизненно достоверной картины"¹⁰⁷. Представляется, что итоги проведённого нами исследования позволяют сделать вывод, что данную констатацию в полной мере можно распространить также на "польский аспект" истории русско-турецких отношений рассматриваемого периода.

Ключевые слова: *История – Российская империя – Османская империя – Польша – политическая эмиграция – русско-турецкие отношения.*

Keywords: *History – Ottoman Empire – Russian Empire – Poland – political emigration – Russo-Turkish relations.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айрапетов О. Р.* Забытая карьера "русского Мольте". Николай Николаевич Обручев (1830–1904) / О. А. Айрапетов. – СПб. : Алетей, 1998. – 315 с.
2. *Бартенев Д.* Эпизоды из жизни военного отряда в Родопских горах (из воспоминаний о кампании 1877–1878 годов) / Д. Бартенев // Русский Архив. – 1900. – № 6. – С. 172–175 с.
3. *Волхонский М. А., Пригарин А. А., Сень Д. В.* "...В качестве верховного главы казаков Анатолии и Румелии": новые документы из *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* о М. Чайковском (Садык-паше) и Оттоманском казачьем войске / Волхонский М. А., Пригарин А. А., Сень Д. В. // Османский мир и османистика : Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). – М. : ИВ РАН, 2010. – С. 149–163.
4. *Гирс А. А.* Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией / А. А. Гирс. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1906. – 218, [6] с.
5. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л. Е. Горизонтов. – М. : Индрик, 1999. – 272 с.
6. *Гросул В. Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-х – начале 50-х годов XIX в. / В. Я. Гросул // Балканский исторический сборник. – Кишинёв : Картя Молдовеняскэ, 1970. – Вып. 2. – С. 23–68.
7. *Жуков К. А.* Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева / К. А. Жуков. – СПб. : Алетей, 2006. – 227 с.
8. *Жуков К. А.* Вестернизация османского общества глазами польского ренегата: "Турецкие анекдоты" Михаила Чайковского (Садык-паша) // Христианство и русская литература. – Сб. 6-й. – СПб. : Наука, 2010. – С. 197–227.
9. *Жуков К. А.* Хива в российской и османской публицистике 1873 г. (В. В. Григорьев и Али Суави) / К. А. Жуков // X Плехановские чтения: "Россия: средоточие народов и перекрёсток цивилизаций" (30 мая – 1 июня 2012 г., Дом Плеханова РНБ) : Материалы к конференции. – СПб., 2012. – С. 119–122.

¹⁰⁶ *Dopierala K.* Op. cit. S. 286.

¹⁰⁷ *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л. Е. Горизонтов. М. : Индрик, 1999. С. 6.

10. [Игнатъев Н. П.] Записки графа Н. П. Игнатъева. 1875–1877 гг. / [Игнатъев Н. П.] // Исторический вестник. – СПб., 1914. – Июль. – Т. 137. – С. 54–93.
11. Каниц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические наблюдения, 1860–1875 / Ф. Каниц. – СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1876. – 373 с.
12. Кельсиев В. Польские агенты в Цареграде / В. Кельсиев // Русский Вестник. – 1869. – Т. 81, № 6 – С. 521–544; Т. 83, № 9. – С. 290–302.
13. [Кельсиев В.] Исповедь – В. И. Кельсиева / [Кельсиев В.] // Архив русской революции : в 22 т. – М. : Terra ; Политиздат, 1991. – Т. 11–12. – С. 169–310.
14. Косев Д. Новая история Болгарии. Курс лекций : пер. с болг. / Д. Косев. – М. : Изд-во Иностранной литературы, 1952. – 523 с.
15. Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865–1872) / К. Н. Леонтьев. – М. : РОССПЭН, 2003. – 528 с.
16. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. / К. Н. Леонтьев. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – Т. 6 (1). – 818 с.
17. Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. – М. : Наука, 1986. – 415 с.
18. Международные отношения на Балканах. 1830–1856. – М. : Наука, 1990. – 350 с.
19. Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории / А. Ф. Миллер. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
20. Панченкова М. Т. Россия, Франция и Турция в 1863 году / М. Т. Панченкова // Новая и новейшая история. – 1970. – № 6. – С. 111–120.
21. Пиотровский С. Свет и тени Турции / С. Пиотровский. – М. : Наука, 1981. – 239 с.
22. Попова А. А. Политика Турции и национально-освободительная борьба болгарского народа в 60-х годах XIX в. / А. А. Попова // Вопросы истории. – 1953. – № 10. – С. 49–64.
23. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). – Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 186. 1881 г., 22 октября. Письмо (без обращения) Марка-Жана Джампьетри (Marc-Jean Giampietri), 2 лл. (на фр. яз.).
24. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). – Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 674. 1881 г., 24 мая и 6/д. Письма (2) М-Ж. Джампьетри к М. А. Хитрово, 4 лл. (2 лл. чист.) (на фр. яз.).
25. Русско-польские революционные связи. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 583 с.
26. Сковронек Й. Михаил Чайковски и българското национално движение (1841–1845) / Й Сковронек // В чест на академик Димитър Косев. – София : Изд-во на Българската Академия на Науките, 1974. – С. 91–105.
27. Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковски – Садък Паша и Българското Възраждане / В. Смоховска-Петрова. – София : Изд-во на Българската Академия на Науките, 1973. – 215 с.
28. Суходолска К. Българите в неиздадените мемуари на Чайка Чайковски (Садъкпаша) / К. Суходолска // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. – София : Държавна печатница, 1894. – Кн. 10. – С. 429–468.
29. Теплов В. А. Адрианополь в 1874 г. (из воспоминаний путешественника) / В. А. Теплов. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1877. – 44 с.
30. Фадеева И. Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность / И. Е. Фадеева. – М. : Наука, 1977. – 168 с.
31. Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). XIX – начало XX в. / И. Е. Фадеева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
32. Фалькович С. М. Из истории польской эмиграции в Османской империи в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. / С. М. Фалькович // Краткие сообщения Института народов Азии. – 1961. – Т. 30. – С. 197–209.

33. *Хевролина В. М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат / В. М. Хевролина. – М. : Квадрига, 2009. – 372 с.
34. *Цыбенко Е. З.* Образы русских в польской литературе второй половины XIX в. / Е. З. Цыбенко // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М. : Индрик, 2002. – С. 156–167.
35. [Чайковский М. С.] Из писем М. С. Чайковского (Садык-паши) к его военному товарищу И. Глинскому / [М. С. Чайковский] // Киевлянин. – 1873. 10 ноября. – № 134. – С. 1–2.
36. [Чайковский М. С.] Болгария. Славянская повесть. М. С. Чайковского (Садык-паши) / [М. С. Чайковский] // Русский Вестник. – 1873. – Ноябрь. – С. 173–220.
37. *Чайковский М.* Султан Абдул-Азис и правда об его смерти / М. Чайковский // Русь. – 1883. – № 5. – С. 33–42.
38. *Чайковский М.* На исходе 1883 года (заметки и воспоминания политического отшельника) / М. Чайковский // Русь. – 1884. – № 1. – С. 38–44.
39. *Чайковский М. С.* "Центральный союз Европы" – так называемый союз мира / М. С. Чайковский // Русь. – 1884. – № 5. – С. 54–59.
40. [Чайковский М. С.] Турецкие анекдоты. Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-паши) / [М. С. Чайковский]. – М. : Университетская типография, 1883. – 420, [2] с.
41. [Чайковский М. С.] Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) / [М. С. Чайковский] // Русская Старина. – 1900. – Апрель – С. 219–236; Август – С. 431–448; Декабрь – С. 721–744.
42. [Чайковский М. С.] Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) / [М. С. Чайковский] // Русская Старина. – 1904. – Июнь – С. 699–715; Октябрь – С. 222–243; Декабрь – С. 558–594.
43. *Шпаро О. Б.* Захват Кипра Англией / О. Б. Шпаро. – М. : Наука, 1974. – 284 с.
44. *Büyük S. Michał Czajkowski (Sadık Pasha) and his Cossack Cavalry Regiment. A Master's Thesis. Department of History, İhsan Doğramacı Bilkent University. Ankara // : website. 2013. – September. – 122, [9] p. URL: <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0006520.pdf> (дата обращения: 06.06.2015).*
45. *Dopierala K.* Emigracja Polska w Turcji w XIX i XX wieku / K. Dopierala. – Lublin : Wydawnictwo Polonia, 1988. – 332 s.
46. *Dumont P.* Osmanlıcılık, uluşu akımlar ve masonluk (Osmanlı İmparatorluğu'nda Tanzimat'tan Mütareke'ye Fransız Obediyasına Bağlı Mason locaları) / P. Dumont. – İstanbul : Yapı Kredi Yayınları, 1999. – 209 s.
47. [Elliot H. G.] Some Revolutions and other Diplomatic Experiences. By the late Right Hon. Sir Henry G. Elliot, G. C. B. Edited by his Daughter / [H. G. Elliot]. – London : John Murray, 1922. – 315, [11] p.
48. *Çelik H.* Ali Suavî ve Dönemi / H. Çelik. – İstanbul : İletişim Yayınları, 1994. – 784 s.
49. *Garlicki A.* Józef Piłsudski, 1867–1935 / A. Garlicki. – Warszawa : Czytelnik, 1988. – 720 s.
50. *Gasztowtt S. T.* Turcya a Polska / S. T. Gasztowtt. – Paryż : Drukarnia polska A. Reiffa-Heymann, 1913. – 56 s.
51. *Handelsman M.* Czartoryski, Nicolas Ier et la Question du Proche Orient / M. Handelsman. – Paris : A. Pedone, 1934. – 151 p.
52. *Lewak A.* Dzieje emigracji polskiej w Turcji (1831–1878) / A. Lewak. – Warszawa : Gebethner & Wolff, 1935. – 280 s.
53. *Mardin Ş.* The genesis of young Ottoman thought. A study of the modernization of Turkish political ideas / Ş. Mardin. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1962. – 456, [9] p.
54. *St. Clair S. G. B., Brophy Ch. A.* Twelve Years' Study of the Eastern Question in Bulgaria. – London : Chapman and Hall, 1877. – 319, [6] p.

55. *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics / R. W. Seton-Watson. – London : Macmillan and Co., 1935. – 590, [16] p.

56. *Svolopoulos C.* L'initiation de Mourad V à la franc-maçonnerie par Cl. Scalieri: aux origines du mouvement libéral en Turquie / C. Svolopoulos // *Balkan Studies*. – 1980. – Vol. 21, № 2. – P. 441–457.

57. *Todorova M.* Imagining the Balkans / M. Todorova. – New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1997. – 257, [11] p.

58. *Turan Ö.* The Rhodope Resistance and Commission of 1878 // *War and Diplomacy: the Russo-Turkish War of 1877–1878 and the Treaty of Berlin* / Ö. Turan ; ed. by M. Hakan Yavuz, Peter Sluglett. – Salt Lake City : The Univ. of Utah Press, 2011. – P. 511–534.

59. *Uzunçarşılı İ. H.* Beşinci Murad ile oğlu Salâhaddin Efendi'yi kaçırmak için kadın kıyafetinde Çırağana girmek isteyen şahıslar / İ. H. Uzunçarşılı // *Belleten*. – 1944. – Cilt 8, Sayı 32. – S. 589–597.

60. *Wapiński R.* Roman Dmowski / R. Wapiński. – Lublin : Wydawnictwo Lubelskie, 1988. – 392, [9] s.